

ХЛѢБЪ ИЗГНАНІЯ

Французскій солдатъ раздаетъ на границѣ хлѣбъ каталонскимъ бѣженцамъ.

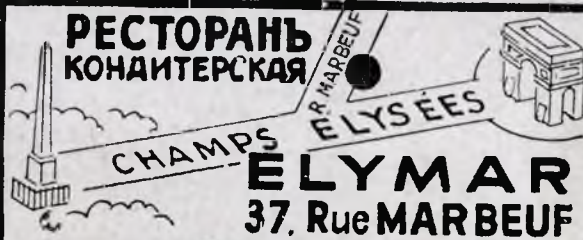
RESTAURANT

"CHEZ KORNILOFF"

6, Rue d'ARMAILLE, prolongement av. Carnot.

Tél.: Eto. 52-49

Ф. Д. КОРНИЛОВЪ проситъ своихъ друзей и многоуважаемыхъ кліентовъ оказать ему вниманіе посѣщеніемъ его ресторана, гдѣ ихъ ждетъ радушный приемъ и изысканный столъ.

**РЕСТОРАНЪ
КОНДИТЕРСКАЯ**

ELYMAR
37, Rue MARBEUF

Дежурное блюдо 6.75

РЮМКА ВОДКИ 1 ФР. 50

БЛИНЫ. РАЗСОЛЬНИКЪ.

ШАШЛЫКЪ. СЫРНИКИ.

Большой выборъ ЗАКУСОКЪ.

THE COMPLET : 6 fr. 50.

КИЕВЪ

83, avenue de Wagram.
Tél.: Wagram 07-88.

**Завтраки и обѣды.
Разнообразная и обильная
кухня**

Цѣны умѣренныя.

Отдѣльные салоны для банкетовъ.

ОБОЙЩИКЪ И ДЕКОРАТОРЪ

ВУАЛЕВЫЯ и пр. занавѣски. Шитье и повѣска. КРЕСЛА, диваны, нов. и обивка.
МАТРАЦЫ. МАТЕРИИ И ВУАЛЬ.

Кособрюховъ,

102, rue Erlanger (16-e). Tél.: Aut. 10-47.

P. M. Kousmichoff & Sons

75, av. Niel. Paris. 17e (Tél.: CAR. 91-46)

Métro Pereire Autob. 92, U, S, CB, BD, 35, 36 et D.

LONDON E O 4
11, Queen Victoria st.
BERLIN
Sch. Reppigstrasse 26.

NEW-YORK
252-254 W. 55-th street
BELGRADE
Brijanova 7.

BRUXELLES
14, rue de l'Abbaye
GENEVE
2-bis, rue St-Léger.

ПОДАРКИ въ РОССІЮ

Наши цѣны на товары для отправки въ Россію, несмотря на общее вздорожаніе, остались такіе-же, какъ были полтора года тому назадъ. Въ нашихъ преісъ-курантахъ объяснено, почему мы имѣемъ возможность, не измѣняя высокаго качества товара, держать цѣны безъ повышенія. Всѣ наши товары очень выгодны и интересны, какъ для заказчиковъ, такъ и для получающихъ. Для заказчиковъ, проживающихъ за-границей, наши цѣны сейчасъ обходятся на 25% дешевле, чѣмъ стоили полтора года назадъ.

Выписывайте наши преісъ-куранты и образцы матерій.

„Кровочиститель АВРАНИНЪ“

ИНДИЙСКИЙ БАЛЬЗАМЪ Д. АВРАХОВА. Сущ. съ 1893 г. СІБ., Колѣкельная. 11. Экстрактъ цѣлебныхъ индійскихъ кореньевъ и травъ, соверш. очищаетъ кровь, обновляя и смѣлаживая органъ, предохраняетъ его отъ преждевременной старости. Индійскій бальзамъ испытанъ болѣе, чѣмъ 60-ти лѣтъ. практикой. вполне излѣчиваетъ въ крат. срокъ упорн. и неподдающ. медицинѣ болѣзни, какъ сифилисъ, во всѣхъ его стад. и со вс. послѣд.: сух. спин. мозга (табесъ), прогр. парал. Всѣ кожны. бол.: экзему, псоріазисъ, люпусъ (волчанка), сикозъ, падучую болѣзнь (эпилепс.), туберкулезъ легкихъ и костей, малокровіе, половую и общую слабость, нервныя, желудочн. и кишечн. заболѣванія. Уже послѣ приема первой же бутылки на 3-5-й день больной, измуч. болѣзн., чувствуетъ, какъ организмъ наполн. новыми силами и успокаивается нервн. сист., появл. аппетитъ и норм. сонъ. Объ излѣч. этихъ болѣзней имѣются десятки тысячъ нотаріальныхъ и письмен. благодарностей. Бальзамъ преміер. на европ. выст. и награжденъ пятью Grands Prix и семью зол. мед. Требуется брошюры на всѣхъ яз. Почт. расх. 2 франка. АВРАНИНЪ продается въ аптекахъ, или непосредственно обращаться по адресу: LABORATOIRE AVRANINE, 6, Rue Maublane. Paris (15e). Métro: Vaugirard. Tél.: VAU 65-69. Лабораторія ищетъ представителей для продажи «Авранина» въ странахъ Южной Америки, въ Австраліи, Индіи и Канадѣ.

Автомобили въ кредитъ !!

200 машинъ отъ 3.500 до 30.000 франк.
Citroën, Peugeot, Hotchkiss, Renault,
Ford, Buick, Chrysler, Bugatti,
Auburn, Packard.

Гарантия 3-6 мѣс. — Требуйте каталоги.

AUTOSPORT

48, Bd de la Somme, Gal. 84-10
M-ro P-te Champerret.

МАСТЕРСКАЯ МЕХАНИКИ и КАРОССЕ
РИ. ПРОДАЖА ГРУЗОВИКОВЪ.

68, Bd Bourdon, Neuilly. Mai. 98-58.

Кабинетъ П. П. Анненкова

16, rue de Gramont, Paris (2),

Tél. Rich. 81-83. M-ro Richelieu-Drouot

ПЕРЕВОДЫ, ПЕРЕПИСКА.

РОТАТОРН. РАБОТЫ.

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

разныхъ системъ русск. и иностр.

Прокатъ. Продажа. Починка.

Цѣны умѣренныя. Доставка въ провинціи

ФАБЕРЖЕ и Ко

23, rue Saulnier, 23, Paris (9e).
Métro : Cadet. Tél. : Prov. 42.26.

БРИЛЛАНТЫ. ЖЕМЧУГЪ

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Покупка, продажа. Приемъ на комиссію.

Исполненіе заказовъ.

Покупка изделий фирмы «К. ФАБЕРЖЕ».

ETS GUERCHMAN
PARIS, 6 RUE DE HANOVRE
Tél. Rich. 36-28.
Mre OPÉRA et 4 SEPTEMBRE.
Во дворѣ, 3-й этажъ, лифтъ
ЕЖЕДНЕВНО 9-18 и въ суб. 9-12 ч.
Продажа въ розницу
въ оптовомъ складѣ
Русское столовое и постельное бѣлье
ручной работы изъ чистаго льняного полотна
Оренбургскіе платки — бѣлые и коричневые.

ТОРТЫ ИВАНОВСКІЕ

Ватрушки, кулебяки, пирожки, крендели,
печенье и пр.

КОНДИТЕРЪ

Ф. И. ТЕПЛОВЪ

Доставка на домъ.

81, rue de la Faisanderie. Paris (16e).

Tél. : TRO 52-68.

Если вы хотите помѣстить Ваше объявленіе въ «Иллюстрированной Россіи», позвоните по телефону: БАЛЬЗАКЪ 19-52 и къ вамъ немедленно явится агентъ отлѣла объявленій

Контора «Илл. Россіи» проситъ г. г. подписчиковъ съ разсрочкой платежа, срокъ подписки которыхъ истекаетъ 1 марта, озаботиться уплатой послѣдняго очередного взноса, во избѣжаніе перерыва въ посылкѣ журнала.

Александръ ГЕФТЕРЪ

ПОДВИГЪ

Р а з с к а з ъ

Посвящается В. Н. Б-ке.

Предстояло взять цѣлый рядъ препятствій, для того, чтобы снова оказаться въ безопасности. Предстояло подвергнуть себя огромному риску принятаго на себя и доведеннаго до конца предпріятія, выполнить задачу самопожертвованія, облеченнаго въ героическую мечту. Впрочемъ, эта мечта не исключала обязательныхъ спутниковъ воинскаго подвига, какъ-то: повышение въ чинѣ, орденъ Георгія, восторгъ друзей и близкихъ, зависть враговъ.

Въ случаѣ успѣха, выполнение предпріятія требовало много времени, до самаго утра... Въ случаѣ успѣха!..

Когда лейтенантъ Вельсъ спускался по трапу «Ростислава», пружинившему подъ его легкимъ бѣгомъ, чтобы сѣсть на поджидавшій его винзу моторный баркасъ, еще не было поздно, еще можно было отказаться, «отставить», — физически было возможно, только физически, но не морально, потому что послѣ такого отказа ему, разумѣется, пришлось бы застрѣлиться. Только это...

— Такъ думалъ В. лъсь. Въ числѣ другихъ мыслей, многочисленныхъ, обрывчатыхъ, какъ облака, мотылькѣмъ взлетающихъ и отлетающихъ прочь, была и эта мысль.

Однако, развѣ выставить свою кандидатуру, надо дѣйствовать, геройствовать. Моментъ героизма наступалъ тогда, когда правая нога Вельса, разстаившись съ рѣшетчатой, порой заливаемой водой нижней площадкой трапа, ступала на кормовую банку баркаса, предназначеннаго я для постановки минъ у входа въ Босфорскій проливъ. Затѣмъ, все то время, пока съ трапа баркаса и съ баркасовъ «Іоанна Златоуста», «Меркурія», «Свободной Россіи» будутъ сымать мины, и будетъ продолжаться главный періодъ героизма. Конечъ будетъ здѣсь — же, у этой самой площадки трапа, подыматься по которому будетъ гораздо легче, чѣмъ спускаться, вопреки законамъ.

О томъ, что будетъ или можетъ быть изъ области непредвидѣннаго, Вельсъ старался не думать, ибо какъ разъ то, что «можетъ быть» и составляло ужасъ, презрѣть который составляетъ героизмъ.

Вельсъ весело сбѣгалъ по трапу, чтобы сѣвши въ баркасъ, подойти на немъ къ «Пронзительному», принять у него мины и на буксирѣ этого миноносца, вмѣстѣ съ другими баркасами, спуститься къ чужимъ берегамъ и заградить неприятелю входъ въ Черное море.

На водѣ было удивительное освѣщеніе. Сейчасъ по заходѣ солнца она приобрѣла необыкновенно свѣжую окраску голубиной снѣвы на фонѣ поблекшаго неба. Огромный «Ростиславъ» стоялъ, не покачиваясь на зыби, и походилъ на сѣрый металлическій островъ, вынырнувшій со дна моря, но баркасъ сильно мотало, и люди съ трудомъ удерживали его у трапа.

Четырнадцать человѣкъ команды въ черныхъ, застегнутыхъ до горла бушлатахъ, молча сидѣли по мѣстамъ. Вѣтеръ развѣивалъ длинныя Георгіевскія ленточки на ихъ бѣлыхъ шапкахъ. Лица смутно свѣтлѣли въ опускавшихся сумеркахъ.

Люди знали, куда они идутъ. Они шли по своей волѣ, охотниками.

— Что они чувствуютъ въ этотъ моментъ? — подумалъ Вельсъ. Среди нихъ онъ казался самому себѣ особенно тонкимъ и хрупкимъ. Несмотря на высокій ростъ, у него была небольшая узкая нога, въ изящномъ полуботинкѣ и шелковомъ носкѣ. Флотскій инж. У него была пѣжная рука, съ длинными пальцами, съ отбѣланными ногтями, а на тонкой, какъ у женщины, кисти, золотые часы — браслетъ. У него красное лицо, съ сѣрыми глазами, изящнымъ носомъ и тонкой полоской стриженныхъ усовъ. На накрахмаленный бѣлоснѣжный китель надѣто короткое черное пальто.

Лейтенантъ Вельсъ, изъ-за котораго соорились дамы и плакали дѣвочки, въ тотъ моментъ, когда сѣлъ на кормовую банку и сказалъ молодымъ баритонамъ «отваливай», себя чувствовать другимъ: онъ не былъ «гѣмъ» Вельсомъ.

Среди людей съ огромными широкими ступнями, съ налитыми деревянными кистями рукъ, съ желтыми отъ несходящихъ мозолей ладонями, съ неспящими пальцами, ногти на которыхъ были темны отъ смолы, съ такими широкими запястьями, что цѣпь часовъ — браслета Вельса хватала бы лишь на половину, среди этихъ людей съ грудными клѣтками бизоновъ, подобно свѣжкѣ на солнцѣ у лейтенанта растаяло ощущение своего превосходства надъ командой. Все его создаваемое имъ изящество, изысканность и тонкость представлялись ему какъ совершенно ненужныя. Въ тотъ моментъ, когда произойдетъ то, что должно произойти въ восьмидесяти случаяхъ изъ ста (именно въ такомъ соотношеніи ему представлялся рискъ операціи), все это кажущееся «берего-

вое» превосходство можетъ его скорѣе потупить, и тогда обнаружится истинное превосходство широкихъ ступней, деревянныхъ ладоней и огромныхъ грудныхъ клѣтокъ съ бычьими сердцами.

Однако, было нѣчто другое, гораздо болѣе важное и цѣнное, что захватывало и заставляло умиляться Вельса: сознаніе, что онъ — вмѣстѣ съ этими людьми, что онъ съ ними идетъ на смертельную опасность, на сіяющее и великолѣпное — на подвигъ.

Онъ посмотрѣлъ на свою команду. Передъ нимъ на штурвалѣ унтеръ — офицеръ Барченко. Рулевой. Хохоль. Крупный, красивый человѣкъ, медлительный, самоуверенный. У него хороший голосъ, и поетъ онъ такъ же внушительно — солидно, какъ все, что онъ нѣдѣляетъ. Мастеръ вязать морскіе узлы.

Дальше Вельсъ видитъ минеровъ Карачанскаго и Буцука. Карачанскій любитъ свое дѣло. Онъ никогда не пойдетъ по другой дорогѣ. Но особая его страсть, это самодвижущіеся мины Уайтхеда. Для него это живыя созданія, съ которыми надо обращаться умѣючи, приспосабливаясь къ особенностямъ характера каждой, какъ умный кучеръ обращается съ дорогимъ рысакомъ. Мины загражденія же для него очень простая штука. Если все въ порядкѣ, то только сѣдн за саражомъ-предохранителемъ, чтобы не растаять, да чтобы, когда ставягъ мины, не зацѣпился бы за что — нибудь на кормѣ минерѣ. И все тутъ. Вещь зловѣщая, но глупая. Относится онъ къ ней со снисходительнымъ пренебреженіемъ, какъ отецъ къ неразумному ребенку.

Матросы очень уважаютъ Карачанскаго и ставятъ его по знаніямъ сейчасъ — же за командиромъ: — второй человѣкъ на кораблѣ. Онъ коротконогъ, широкъ, ходитъ какъ утка.

Затѣмъ. — Буцукъ, бывший гимназистъ, исключенный изъ четвертаго класса. Былъ онъ въ херсонскихъ мореходныхъ классахъ, плавалъ на пароходахъ Добровольнаго флота штурманскимъ ученикомъ, но все какъ то не доходило у него до конца. Онъ любилъ моторы, вообще механизмы, и разбирался въ нихъ довольно ловко, но былъ молодцомъ на малыхъ дѣла. Карачанскій цѣнилъ его какъ моториста, но осуждалъ его за отсутствіе солидности. Когда они вдвоемъ приступали къ мотору въ бѣдствіи, то совѣщались въ полъ-голоса, какъ доктора у постели тяжелаго больного.

Еще одиннадцать человѣкъ. Среди нихъ

всё: и сигнальщики, и трюмные старосты, и комендоры, и рулевые. Если, вообще, команда раздѣляется въ главныхъ чертахъ на «отчаянныхъ», «умныхъ», «старательныхъ», «смирныхъ», то на баркасъ «Ростислава» собрались «отчаянные» и «умные». Люди все сильные, ловкіе, себя не жальющіе, для нынѣшняго предпріятія самые подходящіе. Есть среди нихъ такіе, что могутъ сломать при греблѣ на катерѣ весло, если хорошенько навалится, за что полагается рубль и лишняя чарка за обѣдомъ. Есть такой Садиковъ Петръ, матросъ первой статьи, который въ Батумѣ двухъ амбаровъ побилъ.

Ростиславскій катеръ «печатаетъ» свои убогіе четыре узла. Въ густыхъ уже сумеркахъ, близкій силуэтъ «Пронзительнаго», съ котораго принимають мины.

... Вотъ уже все большое пространство между кормовой и первой банкой баркаса заставлено желѣзными шарами. Они стоятъ аккуратно, близко другъ къ другу, какъ огромные сизые апельсины, ошестившіе свинцовыми рожками, безобидные до поры до времени. Если бросить ихъ въ воду, сахаръ — предохранитель — растаетъ, и только проходящій корабль задѣнетъ одинъ изъ рожковъ своимъ корпусомъ, рожокъ сомнется, и все произойдетъ какъ по писанному: сломается стеклянный колпачекъ съ кислотой, — замыканіе тока, искры, взрывъ пяти фундовъ тола.

... Кто напорется на мины при выходѣ изъ Босфора? «Бреслау», «Гебенъ»? — Вотъ бы кто — нибудь изъ этихъ молодчиковъ... На разстояніи люди не видны на корабляхъ. Кажется, что это огромныя, абсолютно безстрашныя металлическія животныя, сами управляющіяся и вообще дѣлающія что хотятъ.

... Вотъ, повернуть въ сторону, вотъ, задымить, застопорить... А вотъ, подымается у него огромный хоботъ, и изъ него вылетаетъ пламя, слышенъ громъ...

А теперь, думаетъ Вельсь, когда мы поставимъ мины, «Гебенъ» и «Бреслау» выйдутъ изъ Босфора и напорятся на нихъ. О томъ, что въ случаѣ удачи (т. е., если удастся поставить мины, и корабли на нихъ наскочатъ), на водѣ будутъ копошиться сотни цѣлыхъ и изуродованныхъ тѣлъ, Вельсь не думалъ, — главное, корабли.

Моторные катера идутъ на буксирѣ «Пронзительнаго». Онъ проведетъ ихъ, такъ миль тридцать, поближе къ турецкимъ берегамъ, и, отдавъ перлины, предоставитъ публику своей судьбѣ... На морѣ свѣжая зыбь, вѣтеръ въ корму. Что же будетъ дальше? Темно невѣроятно... Если бы вѣтеръ былъ съ берега, пахло бы Турціей... Турецкій запахъ... Пахнеть кофе или чѣмъ нибудь другимъ турецкимъ?

... «Пронзительный» несетъ на крупной зыби, какъ на каруселяхъ. Гребни волны заглядываютъ иногда во внутрь, поближе къ кормѣ. Иногда брызга попадаетъ въ лицо Вельсь, и тамъ, гдѣ она упала, онъ ощущаетъ легкій холодокъ и какъ будто жжетъ. Катеръ задираетъ носъ, что то металлическое позваниваетъ, что то деревянное постукиваетъ... Буксирный конецъ ослабляется, когда спускъ съ волны, и напрягается, когда ползутъ на гребень... Проходитъ часа полтора. Еще больше свѣжѣетъ.

Вельсь осматриваетъ въ минахъ сахаръ, не подмокъ-ли. Въ двухъ минахъ мѣняетъ. Можетъ быть не такъ ужъ необходимо, но, осторожно, ради Бога — осторожно!

... Вотъ буксиръ совсѣмъ ослабляется и падаетъ. «Пронзительный» остановилъ машины, его за сѣча закончила. До турецкаго берега мили четыре, катера дойдутъ своими средствами.

Кони отданы, миноносецъ описываетъ большую дугу, ложится на нордъ и уходитъ. На немъ нѣтъ огня. Слышится торопливый шумъ льющейся воды, вытѣсненной стройнымъ корпусомъ миноносца, вскорѣ стихающій.

Теперь надъ водой слышится сдержанные голоса. На баркасахъ переговариваются. Потомъ замолкаютъ. Пошли... Идутъ строемъ фронта на буксирахъ катеровъ — конвоировъ.

Мотаетъ больше, чѣмъ раньше. Мины обливаетъ водой. Сахаръ подмокаетъ, его мѣняютъ чаще. На водѣ ничего не видно, и волны кажутся ехидными хищниками, которые, пользуясь темнотой, стараются заглянуть вовнутрь, чтобы увеличить вѣсъ катера, залить, затопить.

Слѣва бьетъ со стукомъ по волнѣ носомъ баркасъ со «Свободной Россіи», справа, — желѣзный баркасъ «Юліана Златоуста», дальше, съ «Памяти Меркурія».

Темно.

Постановка будетъ производиться съ такимъ расчетомъ: при скорости хода въ четыре узла, сбрасывать мины каждыя десять секундъ. Четыре катера въ рядъ.

— Карачанскій, какъ сахаръ? — спрашиваетъ Вельсь.

— Довольно набравши воды, — черезъ минутку отвѣчаетъ знакомый голосъ, — особенно у тѣхъ, что съ краю.

— Переменить, — говоритъ Вельсь и настораживается. Онъ слышитъ необычный, не морской звукъ. Онъ прислушивается, и вдругъ замѣчаетъ, что его сердце начинаетъ биться гдѣ — то высоко, подъ самымъ горломъ.

— Лаетъ собака на турецкомъ берегу. Собачій лай. Пришли!

Съ катера «Свободной Россіи» шлепается въ воду что то тяжелое. Брызги. Черезъ нѣсколько секундъ снова.

— Вторая, — считаетъ Вельсь. — Жду, своей очереди... Третья, — Храбрецы, ставятъ мины подъ самымъ носомъ у турокъ! Бьются ли у командира сердце подъ горломъ, какъ у меня?

Сильно бросаетъ. Приходится держаться за бортъ, чтобы усидѣть на банкѣ.

— На «Ростислава-а-а-в-в-в-в», кричатъ на катерѣ со «Златоуста», уступивъ очередь, Вельсь, совсѣмъ залило!

— Есть... уступить.

— У насъ сахаръ къ бабушкѣ, — передаютъ съ «Памяти Меркурія», — стараемся выбодриться.

— Какъ плохо у всѣхъ, до чего неблагоприятная обстановка, — думаетъ Вельсь. Онъ поправляетъ на груди аккумуляторный фонарь съ тончайшимъ игольчатымъ лучемъ, освѣщающимъ лишь секундомѣръ на его рукѣ.

— Первая, — говоритъ онъ ясно и громко. (Откуда у него такой прекрасный музыкальный голосъ?).

Тяжело шлепнулась первая... Стрѣлка секундомѣра передвигается толчками. Внутренне, въ перевалочку постукиваетъ двухтактный моторъ. Носъ катера подымается и опускается. Холодный душъ... Восемь, девять... Вторая!

— Разъ, два, три, — прыгаетъ стрѣлка по циферблату, какъ жукъ — плавать по водѣ. — На тридцать минъ по десяти секундъ, три-

ста секундъ, пять минутъ. Невыразимо долго. Минуты тяжелы, будто изъ чугуна. Невозможно подтолкнуть ихъ, заставить катиться быстрее. Каждый кругъ зависитъ отъ количества продѣланныхъ операций. Пока онѣ не выполнены, не пройдетъ десяти секундъ. — Это сбрасываніе въ воду минъ. Этимъ дѣломъ занимаются добрые и осторожные богатыри. Вельсь знаетъ ихъ лично: Карачанскій, Садиковъ, Буцукъ, Берченко и другіе еще... На свѣжей зыби, когда трудно стоять и удерживать равновѣсіе, по тѣмъ, обливаемые водой, они поворачиваютъ тяжелые шары и тихо, черезъ равные промежутки времени сбрасываютъ ихъ въ плещущія волны, остерегаясь смять мягкіе колпачки, провѣряя сахаръ предохранителя.

... Когда то, давно, Вельсь гулялъ по аллеямъ. Историческаго бульвара съ Анночкой. Когда — же это было? Страшно давно, — позавчера...

... Теперь лаетъ уже нѣсколько собакъ. Одна прежняя, неутомимая, теноркомъ и съ ней новые голоса, одинъ съ хрипотцой... Звѣзды горятъ въ прозрачномъ куполѣ неба... Именю куполъ.

... Двадцать первая! Тоненькій лучъ фонаря колетъ стекло секундомѣра. Какъ жукъ — плавать толчками обѣгаетъ кругъ судьбы стрѣлка секундомѣра... Разъ... Два... Три... Четыре...

На «четыре» стрѣлка приостанавливается. дѣлаетъ скачокъ въ сторону отъ циферблата и вдругъ радостно вылетаетъ на свободу. За ней слѣдуетъ секундомѣръ, а затѣмъ и самъ катеръ становится на дыбы и тоже летитъ къ небу, вмѣстѣ съ недоумѣвающимъ Вельсомъ, — все выше къ небу, къ хрустальнымъ звѣздамъ, откуда несется ожесточенный лай собакъ на турецкомъ берегу.

Во время этого необычнаго полета Вельсь одну секунду лишь наблюдалъ удивительную, рѣдкую картину: катеръ съ «Памяти Меркурія», освѣщенный ослѣпительнымъ зеленоватымъ — фіолетовымъ свѣтомъ, помѣщенный въ красную рамку, и на фонѣ этой картины, — черными мурашками носящіеся люди, съ раскинутыми руками и ногами.

Затѣмъ ударилъ огромный барабанъ со стеклянными тарелками, и Вельсь потерялъ сознаніе.

Очнувшись онъ въ ту странную эпоху земной жизни, когда не существовало времени. Невѣрно было также, гдѣ все это происходило. Онъ висѣлъ въ баркасѣ, на его борту. Невыносимо болѣло въ правомъ боку, правой ногѣ и въ правой сторонѣ лица. Голова его висела надъ водой, и волны, подсакивая, лизали его лицо. Онъ оторвался отъ борта, хотѣлъ подняться на ноги и упалъ на колѣни. Отъ продѣланнаго усилія вновь потерялъ сознаніе, но, очнувшись на этотъ разъ, прилетѣть въ себя окончательно. Онъ понялъ, впервые, что на сосѣднемъ катерѣ былъ взрывъ, что самъ онъ раненъ и что, судя по стонамъ, несущимся съ воды, есть еще раненые и что, по-вторыхъ, съ его катеромъ тоже неблагоприятно, — носъ задранъ, черезъ транцевую доску хлещетъ вода на корму.

Несмотря на то, что была еще глубокая ночь, привыкшіе къ темнотѣ глаза смутно различали предметы. Мины, которыхъ не успѣли разгрузить, были смѣщены къ кормѣ. Благодаря этому и образовался сильный кренъ въ эту сторону, грозившій потопленіемъ. Ихъ оставалось восемь штукъ, значитъ, до взрыва удалось погрузить двадцать дѣтъ.

Онъ поползъ на четверинкахъ къ своимъ людямъ, такъ какъ идти не могъ. Тамъ ни-

Трагическій исходъ

ПОСЛѢ ЭВАКУАЦІИ КАТАЛОНИИ

Послѣдняя фаза испанской гражданской войны закончилась эвакуацией республиканскими войсками Каталоніи. Вмѣстѣ съ ними на французскую территорию перешло нѣсколько десятковъ тысячъ гражданскаго населенія, женъ и дѣтей милиціонеровъ, которому французскія власти оказали высоко - гуманный пріемъ. На снимкѣ — группа бѣженцевъ у распределительнаго пункта въ пограничномъ французскомъ городкѣ Пратъ де Молла.

кто не шевелился. Онъ собралъ всѣ силы и позвалъ надтреснутымъ, сорвавшимся голосомъ:

— Карачанскій!

Стѣпиль Берченко:

— У нихъ, ваше благородіе, оторваны плечо и нога. Конечъ, должно. А такъ не фатаетъ Шibaева, только... А у меня, хоть я чувствую, что не серьезно, нога порчена, однако.

Берченко говоритъ по своему обыкновенію медленно, будто любуясь звукомъ своего голоса.

Вельсь, потрясенный взрывомъ, ослабѣвшій отъ потери крови, былъ на баркасѣ единственнымъ человѣкомъ, кто долженъ былъ и могъ рѣшить судьбу людей. Онъ съ радостью ощутилъ въ себѣ напряженную, дѣйствующую какъ скрытая пружина волю. Необходимость борьбы заслонила чувство страха.

Кругомъ была разлитая опасность. Опасность, что взрывъ былъ слышанъ на берегу (онъ былъ, разумеется, слышанъ), что баркасъ залетѣлъ въ скоромъ времени, онъ

пойдетъ ко дну; что моторъ послѣ такого сотрясенія откажется работать, и сильное теченіе потянетъ его обратно въ проливъ къ туркамъ.

То, что необходимо было сдѣлать для спасенія, было просто, но необыкновенно трудно. Изъ оставшихся тринадцати челѣкъ, на ногахъ могли держаться лишь пятеро, но они также были ранены.

Что творилось на сосѣднихъ катерахъ? Одного больше не существовало, — взорвавшійся баркасъ съ «Памяти Меркурія». Онъ - то и переранилъ своимъ взрывомъ людей на ростиславскомъ и на другихъ катерахъ. Помощи, слѣдовательно, ждать неоткуда, надо разворачиваться своими средствами, дѣйствовать по «способностямъ».

... За пятьдесятъ минутъ, понадобившихся для того, чтобы сдвинуться съ мертвой точки, прошла бездна времени. Впослѣдствіи Вельсь раздѣлилъ работу по спасенію на три части, длинныя какъ три возраста жизни: выравниваніе крена, пускъ въ ходъ мотора и, наконецъ, гребля на веслахъ.

Онъ помнитъ теперь, что нѣсколько разъ за это время онъ говорилъ съ Карачанскимъ, наклонялся надъ нимъ.

Карачанскій лежалъ въ странной позѣ, подогнувъ голову, какъ мертвая птица, и просилъ, чтобы «его только не трогали», что «такъ ему будетъ легко кончиться». Онъ былъ все время въ сознаніи и боли не чувствовалъ: — «Горитъ единственно за глазами въ головѣ».

Благодаря его совѣтамъ и удалось выравнивать баркасъ.

И самъ Вельсь, и Берченко, и другіе считали почему - то, что для этого надо переѣхать обратно къ серединѣ мины. Немногомъ больше работы потребовалось для того, чтобы избавиться отъ нихъ совѣтъ, сбросивъ ихъ въ воду.

На это и указалъ умирающій минеръ.

— Сторните поскорѣе всѣ мины чисто въ воду, а то всѣмъ вамъ будетъ оконченье. — Себя онъ уже не считалъ.

Оставалось восемь огромныхъ шаровъ, сдвинуть которые съ мѣста пришлось съ

вдвое большими усилиями, чем если бы это пришлось сделать до взрыва. Когда люди перешили и переползли на корму, крен увеличился настолько, что полны теперь уже без всякой задержки вливались в баркас, и, пока столкнули первую мину, казалось, что он затонет. Но после второй баркас заметно поднял корму и после третьей он выравнялся окончательно. От сахара для предохранителей пришлось отказаться. Он хранился у Карачанского и был теперь весь залит кровью.

Напало у Буцука и Алифанова.

Когда, наконец, была сброшена восьмая. Вельс почувствовал сразу и необычайное облегчение, и настоящую печаль. Ему казалось, что пережив эту томительную постановку, он постарел душевно, и это ощущение преждевременной старости не оставляло уже его до самого конца операции.

На турецком берегу царил оживление. Значит, баркасы были открыты. Должно быть, на берегу был рыбацкий поселок. Мesto глухое, и отсюда не могла прийти непосредственная опасность, но люди, конечно, дали знать на ближайший пост.

Катерь подымался над водой, набравшаяся вода разливалась по его длине. Мотор открывался, надо было постараться пустить его в ход. Несмотря на то, что до этой ночи Вельс относился к маленькому старинному мотору с безразличием, теперь он ощутил к нему определенную симпатию. Это была небольшая модель с открытым механизмом, с медными частями, чего в современных моторах не бывает.

Теперь этот двух с половиной - сильный мотор был единственным спасением. Но он не стеснялся на усилия хлопотавших вокруг него людей и оставался пассивным.

Течение начинало работать. Садиков, лишь слегка задетый осколком в плечо, «выбросил» за борт весло и еще выскочил с катом из команды старался им удержать на месте баркас.

Собаки опять зализались. Их тревожило теперь что-то, но уже не на море, а на суше.

Фиолетовым светом вспыхнула дорога под длинным лучом. Зажигательный раздался на-двое и оказалось, что это фары мощной машины.

Векорь появился другой луч. Этот уже смотрел прямо в небо, напряженный, еще больше насыщенный световыми частицами, чем лучи фар. Он передвигался подобно нейтральной высоте световому столбу.

Это был прожектор, который должен был сейчас начать свои поиски в небе и на воде. Но, когда он остановился там, где лаяли собаки, чтобы начать работу, мотор на баркасе зашипел, да так повернуть рукоятку и совершенно ясно отбить два такта.

— Ну вот, — сказал Карачанский неожиданно ясным голосом, но очень тихо, — теперь он пойдет. Видать внутренность в нем в порядке, мотор целый. Подсохнет на вспышках и совсем заработает, как следует. Что-то мне странно, ваше благородие, — добавил он, обращаясь к склонившемуся над ним Вельсу, — так странно. Простите, если что не так.

Он прибавил еще что-то, но так тихо, что больше нельзя было разобрать.

Снова запустили мотор. Он застучал, словно сорвался, и на этот раз пошел.

Небо было закрыто, но в редкие просветы глядели звезды. Довольно долго можно было держать по Большой Медведице, потому ее затянуло облаками, но открылась Полярная. Звезд успокаивалась. Течение стало рвче, — очевидно, оттого, что отошли дальше от берега и теперь как раз вышли на него.

Матросы молчали. — Карачанский отдал Богу душу.

Прошел час, двигатель стал давать перебой, но еще держался. С берега забегать прожектор.

Геройство, о котором мечтали с самого начала войны Вельс, было показано, — мина поставлена. Подвиг выполнен. За него было заплачено баркасом с «Памяти Меркурия», со всеми находившимися на нем людьми, двумя погибшими и тринадцатью ранеными на его баркасе и неизвестным числом погибших и раненых на других.

Подводя итог происшедшему, он мог сделать заключение: мысль о подвиге возмущала его больше всего вчера, в тот момент, когда он грузился на баркас. Тогда, хотя и теоретически, он мог охватить подвиг во всем его целом, не входя в подробности. Но потом наступила пора действовать, началась приемка мины с «Пронзительного», работа разбивалась на свои элементы, знакомые до мелочей, и мысль о подвиге отошла на задний план. Подвиг был заслонен подробностями героической работы, как тес заслоняется отдельными деревьями.

Это не мешало Вельсу предчувствовать, что, если удастся спастись, то он сможет посмотреть со стороны на овершенное им и его людьми, и тогда подвиг предстанет во всем своем сиянии, а он, Вельс, будет возмещен за пережитый ужас борьбы, за мучительные усилия, употребленные на то, чтобы, ползая на четвереньках, выкарабкаться из могилы.

Вся правая сторона его тела и лица горели. Он чувствовал, как медленными, тонкими струйками вытекает кровь из многочисленных мелких ранок, повидному, осколками. Только — бы добраться до своих. Но... Карачанский и Шибанов, никогда.

Мотор приостановился, продолжал только несколько оборотов и стал окончательно.

Пошабашил, — сказал кто-то грубо.

Наступил третий период борьбы, работа на вслах.

Их оказалось четыре, из восемнадцати, бывших на баркасе до взрыва. Длинные, тяжелые, слишком тяжелые для измученных, обезкровленных рук. На каждое из них село по два человека, и баркас как будто снова пошел. В отдалении бегать по воде луч, играющий с ним в жмурки.

Оттого — ли, что заложило уши от слабости и от потери крови, или усталые баркасы отошли далеко, но на воде не было ничего слышно, и стояла удивительная тишина. Невидимое течение тащило назад, как в страшном рассказе Эдгара Поэ. — Назад, к турецким берегам.

Вельс ринулся на последнее усилие. Найдя под кормовой банкой сигнальный фонарь, «ратьер», он пополз с ним на нос. Безконечное путешествие. Колени его скользили по мокрым поволокам, руки наткнулись в темноту на ноги сидевших на банках гребцов, на лежавших на дне ра-

нень. Сколько времени полз он на нос баркаса с «ратьером»? — Все, что произошло за эту ночь тянулось бесконечно долго. Даже Карачанский, который был страшно ранен, умирал так долго.

Но вот он дополз и до носовой банки, к которой нужно было прислонить причальный крюк. Вельс медленно вскарабкался на нее и, с трудом удерживая уходящее сознание, стал передавать по Морзу:

— Катер с «Ростислава» в бдствии. Катер с «Ростислава». «Ростислав».

Призыв о помощи дтеньшина — крупного звря, который просится домой. Он изранен, замучен. Катер с «Ростислава».

По одному узкому, идеально прямому пути летят прерывистые вспышки света, мигающие луча, закодированный код. В бдствии с «Ростислава». Вельс шлет призывы на порд. Там миноносцы, а за ним и линейные корабли. Слышали они взрыв? Катер с «Ростислава».

Чернота ночи переходит в темно — сирый свет. На востоке забрезжило. Втерь спадает, мягко и неслышно спускается туман. Четко вылетают из щели «ратьера» золотые свляки, будто выстреливаемые из пистолета. В растяжку и устало постукивают огромные весты.

Вельс снова нажимает на клавишу. Выстукивает. «Катер с Ростислава». Пальцы его замирают. Он больше не может.

Все яснеть рыжий туман. Какие — то торопливые звуки. Будто играют утреию зорю. Слышится упрте, уверенные удары прекрасно работающего мотора, несущегося к Вельсу. Будто пробкой закладывает уши, потом на миг отпускает, и неожиданно близко от себя он слышит медленный голос Берченко, кого — то урезонивающий:

— Да, как-же, скорый ты на ршения. Не турецкий, а нашего первого дивизиона миноносцы это, козя голова. «Пронзительный» это!

Царство чистоты, царство блага света. Благостный покой и тишина. Тихие голоса, почти шопот. Спустившийся с небесных высот ангел неторопливо проходит мимо с какими — то никелированными предметами. Вельс приходит в себя. Перед ним на ночном столбе букет роз, еще не вполне открывшихся. На ветках и на упругих толстых темно — зеленых листьях круглые, блестящие капли воды.

Необыкновенно музыкальный шум шагов. В конце длинной палаты показывается группа людей. Флотские офицеры. Небольшого роста, тонкий молодой адмирал, со смуглым лицом, быстрым легким шагом направляется к Вельсу.

— Ко мн. Почему? — думает он. — Командующий флотом.

С Чатырь — Дага слетает орел, сжимает своей огромной лапой правое плечо Вельса и бьет его роговым клювом в голову.

Мгновенный припадок проходит, и он снова видит перед собой молодого адмирала. Срые огненные глаза смотрят в лицо Вельса.

— Я соберу на завтра Думу, — слышит Вельс его голос. — Я представляю. вас.

Опять тишина. Ночь. У изголовья Вельса сидит ангел и что-то вяжет.

— Все позади, — шепчет Вельс и засыпает.

Александр Гефтер.

Папа Пій XI, благословляючий народъ во время торжественнаго выхода, съ балкона храма Св. Петра въ Ватиканѣ.

ПАПА ПІЙ ХІ С К О Н Ч А Л С Я

Рано утромъ, въ пятницу, 10 февраля 1939 года съ колоколенъ собора Св. Петра въ Ватиканѣ раздался протяжный перезвонъ: — жители «Вѣчнаго города», услышавшіе его, сразу поняли какую вѣсть онъ несетъ. Не одни только римляне, впрочемъ, узнали о печальномъ событіи черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ оно произошло. По волнамъ эфира уже неслась эта вѣсть во всѣ концы свѣта, на всѣхъ языкахъ:

— Папа Пій XI благочестиво скончался въ 5 ч. 31 мин.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ эти дни взоры всего міра обращены на Ватиканъ, гдѣ покоятся останки «насыщеннаго годами» старца, только что закончившаго свой земной путь.

Его Святѣйшество, папа Пій XI, «намѣстникъ Христа на землѣ», глава самой огромной и самой могущественной духовной державы — католицизма, обнимающаго собою одну пятую часть населенія земного шара, призванъ былъ нести свое апостольское служеніе въ грозные и тяжкіе годы мировой исторіи. И то, съ какимъ достоинствомъ, величіемъ и пониманіемъ истинныхъ задачъ церкви въ столь смутное время выполнялъ это свое служеніе папа Пій XI, то, съ какой убѣжденностью и страстной мольбой призывалъ онъ человѣчество къ миру всего міра, предлагалъ въ качествѣ жертвъ искренней своей собственную жизнь, ставилъ его въ рядъ самыхъ выдающихся понтификовъ.

Въ огромномъ томѣ двухтысячелѣтней исторіи папства папѣ Пію XI будетъ отведено почетное мѣсто. Теперь въ этомъ томѣ перевертывается новая страница: къ списку 266 преемниковъ апостола Петра должно прибавиться новое имя.

Кѣмъ былъ почившій папа въ жизни и каковъ былъ его жизненный путь, приведшій его къ ватиканскому трону?

Однажды — это было больше полвѣка тому назадъ — миланскій архіепископъ мон-

сеньоръ Феррари объѣзжалъ свою епархію. Вечеръ засталъ его въ небольшой деревушкѣ Ломбардіи, и кардиналъ принялъ приглашеніе остановиться на ночлегъ у мѣстнаго священника. Это былъ молодой, только недавно окончившій семинарію человѣкъ, по фамиліи Ратти. Съ первыхъ же словъ онъ поразилъ кардинала своей начитанностью и умомъ. За ужиномъ начался разговоръ на самыя разнообразныя темы, который затянулся до глубокой ночи.

Монсеньоръ Феррари зналъ, конечно, и раньше біографію своего подчиненнаго. Это былъ сынъ владѣльца небольшой прядильной фабрики въ Дезіо, человѣка глубоко религіознаго и набожнаго, рѣшившаго сдѣлать сына священникомъ.

Ахиллъ Ратти кончилъ миланскую семинарію и уже тамъ проявлялъ исключительныя способности и любознательность: его профессоръ философіи вспоминалъ впоследствии, что долженъ былъ съ особой тщательностью готовиться къ лекціямъ, чтобы не стать въ тупикъ передъ самыми неожиданными и каверзными вопросами своего ученика. Можетъ быть, даже зналъ монсеньоръ Феррари, что семинаристъ Ратти былъ веселымъ, живымъ юношей, страстнымъ альпинистомъ, — онъ имъ оставался и долго потомъ, и совершилъ нѣсколько опасныхъ рекордныхъ восхожденій, — и, кромѣ того.. непобѣдимымъ игрокомъ на билліардѣ. Но въ этотъ вечеръ за обѣденнымъ столомъ и потомъ у каминна въ долгой бесѣдѣ почтенный прелатъ съ удовольствіемъ узналъ, что молодой сельскій священникъ великолѣпно знаетъ исторію, что онъ штудируетъ философію и вдобавокъ ко всему занимается лингвистикой. Когда на другое утро Феррари прощался со своимъ молодымъ хозяиномъ, онъ ему сказалъ:

— Вы не должны оставаться въ этой глуши! Вамъ обязательно надо учиться дальше и готовить себѣ къ ученой степени. Повѣрте, васъ ждетъ совсѣмъ иная карьера!

Кардиналъ не ошибся: карьера эта оказалась блестящей. Переѣхавшій по его совѣту

въ Миланъ, молодой Ратти уже черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ докторомъ философіи; свой докторскій экзаменъ въ академіи Св. Фомы онъ сдалъ съ такимъ блескомъ, что былъ за это представленъ самому папѣ. Въ Ватиканѣ его замѣтили. Нѣкоторое время онъ былъ профессоромъ въ той самой семинаріи, которую окончилъ, совершилъ нѣсколько служебныхъ поѣздокъ въ разныя страны, былъ хранителемъ самой большой, знаменитой католической Амброзіанской бібліотеки, занималъ чрезвычайно ответственныя посты папскаго нунція въ Варшавѣ и, наконецъ, получилъ санъ кардинала и назначеніе миланскимъ архіепископомъ. Это, впрочемъ, не было вѣиномъ его карьеры, и оставался онъ здѣсь недолго, всего восемь мѣсяцевъ. Въ январѣ 1922 года умеръ папа Бенедиктъ XV и черезъ десять дней, по уставу, собрался кардинальскій конклавъ для избранія его преемника.

Послѣ четырехъ дней пребыванія въ кельяхъ и четырнадцать туровъ голосованія — какъ замѣтилъ одинъ изъ участниковъ конклава, столько же, сколько было остановокъ на Крестномъ Пути Спасителя, — пятьдесятъ три князя церкви остановили свой выборъ. Въ Сикстинской капеллѣ всѣ балдахины кардиналовъ были опущены, кромѣ одного: это былъ балдахинъ кардинала Ратти.

— Какое имя ты примешь на тронѣ? — спросилъ новаго папу старшій кардиналъ.

— Я вступилъ въ лоно церкви при Піѣ IX, — отвѣтилъ вновь избранный. — Пій X вызвалъ меня впервые къ себѣ въ Римъ. Я принимаю въ ихъ честь имя Пія XI.

266 папъ, послѣднимъ изъ которыхъ былъ Пій XI, являются звеньями того огромнаго процесса, какимъ представляется исторія христіанства вообще и исторія католицизма въ частности. Здѣсь, конечно, невозможно коснуться хотя бы въ общихъ чертахъ его исторіи.

Вопросъ о возникновеніи власти папъ, это-

Последний портрет папы Пия XI, сделанный 6 февраля, за 4 дня до кончины, по случаю празднования 17-й годовщины избрания его на папский престолъ.

Папа Піі XI, несомый въ торжественной процессіи въ соборъ Св. Петра, для благословленія собравшаго на площади народа.

го престола намѣстника Христа на землѣ, имѣетъ необъятную литературу.

Первымъ папой почитается Апостолъ Петръ, который управлялъ христіанской церковью съ момента ея образованія, т. е. съ 33 года нашей эры до 67 года. Однако, его преемники, римскіе епископы первыхъ вѣковъ, хотя и назывались папами, не являлись главой церкви вообще, какъ это было впоследствии. Титулъ «папа» (отъ греческаго «папась» — отецъ) давался вообще всѣмъ епископамъ. Только въ IV вѣкѣ римскіе архіепископы, какъ преемники пераго римскаго «папы», Апостола Петра, стали относить къ себѣ слова Евангелія: «Петръ, любящій ли ты Меня? Паси овецъ Моихъ». «Ты камень, и на семъ камнѣ созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ея...». «Я дамъ тебѣ ключи царства небеснаго: что ты свяжешь на землѣ, будетъ связано на небѣ, и что ты разрѣшишь на землѣ, будетъ разрѣшено и на небѣ».

Первымъ изъ знаменитыхъ папъ былъ

Левъ I Великій (440 - 461); именно онъ официально декретировалъ главенство римскаго первосвященника и объявилъ всѣхъ, не признающихъ этого порядка, «отпавшими отъ фундамента церкви». Какъ извѣстно, въ дальнейшемъ папство играло огромную роль не только въ религіозной, но и въ политической жизни міра. Было время, когда папы претендовали на свѣтскую власть во всемъ христіанскомъ мірѣ и даже осуществляли ее. Въ ихъ борьбѣ съ императорами, они часто оказывались побѣдителями: надо ли приводить школьный примѣръ Каноссы, когда императоръ Генрихъ IV, босой и съ веревкой на шеѣ, три дня стоялъ у воротъ папскаго дворца вымаливая прощенья у Григорія VII?

Но были и поражения: напомнимъ о семидесятилѣтнемъ «авиньонскомъ плѣненіи» папъ, когда апостольскій тронъ былъ перенесенъ въ провинціальный французскій городъ, и намѣстники Христа находились въ полной зависимости отъ французскаго короля Филиппа IV. Эта борьба папъ за свѣтскую

власть продолжалась, въ сущности, до нашихъ дней.

Папское государство съ болѣе или менѣе значительной территоріей существовало еще въ 1870 году, когда послѣ ухода французскаго гарнизона, новый итальянскій король Викторъ - Эммануэль, послѣ трехчасовой канонады, взялъ Римъ (незадолго передъ тѣмъ, на Ватиканскомъ соборѣ былъ принятъ догматъ о непогрѣшимости папы). Въ 1871 г. закономъ «о гарантіяхъ» было определено новое положеніе папы. Въ его распоряженіи оставались только Ватиканъ, Латранская базилика и загородная вила Кастель Гандольфо. На содержаніе ихъ папѣ было положено отъ казны 1 съ половиной милліона фр. въ годъ. Онъ, впрочемъ, отъ этого содержанія отказался, и съ тѣхъ поръ папы вообще не выходили за предѣлы Ватикана, считая себя «плѣнниками» свѣтской власти. Только въ 1929 году, уже при нынѣшнемъ папѣ положеніе измѣнилось. Былъ заключенъ знаменитый «Латранскій договоръ» — Піій XI умеръ, какъ разъ наканунѣ предполагаемаго торже-

ственного празднования десятой годовщины его подписания — по которому состоялось примирение Ватикана с итальянским правительством. Этим договором возманивалась территория суверенного папского государства (в пределах Ватикана, латеранской базилики и загородной виллы Кастель-Гандольфо), а папа признавался независимым монархом этого государства.

По размеру территории Ватикан — одно из самых маленьких государств в мире — оно меньше даже республики Андорры. Духовная — же держава папы — величайшая в мире: — как мы уже отметили, она распространяется на пятую часть населения земного шара.

*
**

Папский двор, по отзывам многих свещенных людей, — чудо организованности и порядка. Ватикан является не только резиденцией папы, но и центром всей католической «державы», мозгом ее управления, ее главным руководящим аппаратом.

Здесь находится не только центральное «правительство» папы, возглавляемое государственным секретарем кардиналом Пачелли, но и все 12 «конгрегаций», т. е. министерств и 15 комиссий — департаментов, в том числе комиссия по русским делам, учрежденная папой Пием XI. Здесь — же в Ватикане находятся несколько католических академий, миссионерских школ, наконец, просто мастерских по изготовлению медалей, орденов и дипломов. Как известно, существует 8 различных ватиканских орденов, каждый имеющий несколько степеней: орден Христа, орден Золотой Шпору, орден Пия IX, орден Св. Сильвестра и проч.

Имеется комиссия по составлению списка запрещенных книг, т. наз. «индекса» — ее члены должны читать все, выходящее в мир на всех языках. Здесь — же в Ватикане находится главный трибунал, выдающий разводы, ввергающий объявляющий некоторые браки «несостоявшимися», ибо развода, как такового, католическая церковь не признает.

Самым живописным в Ватикане является, несомненно, его гвардия. Она состоит из нескольких видов «оружия». Во главе папского «войска» стоит «благородная гвардия», членами которой обычно состоять представители римской знати. Затем идет сравнительно недавно учрежденная «палатинская гвардия», несущая караулы во время парадных церемоний. Самой старой «частью» Ватикана является «швейцарская гвардия», набираемая из особо преданных католичеству швейцарских семей. Она по традиции носит средневековые одеяния и должна охранять «границы» папских владений. В отношении костюмов, впрочем, в Ватикане свято хранятся принципы старинности, и даже для сравнительно новых образований художниками созданы живописные старинные костюмы.

Ватикан имеет свое знамя. На нем молодые новобранцы «армии» раз в году, с торжественным церемониалом приносят присягу.

Само собой разумеется, функций этой «армии», кроме, пожалуй, жандармов чисто декоративных. Она является необходимым элементом всевозможных церемоний, процессий, торжественных приемов, которых так много в католичестве вообще и в Ватикане в частности.

Но вряд ли ей приходилось и придется

применить силу своего оружия для защиты папского престола.

По этому поводу рассказывают интересный исторический анекдот. Это было незадолго до смерти папы Пия X. В Италии шло глухое брожение в рабочих кругах. Опасались беспорядков. Необходимо было принять меры предосторожности, и начальник стражи явился доложить о них папе.

— Святой отец, — сказал он, — в городе спокойно и я решил усилить охрану Ватикана.

— Очень хорошо, — ответил папа.

— Здесь, у входа с ул. Пеллегрини я поставлю четырех жандармов.

— Прекрасно.

— Здесь, на площади Пропимарити я поставлю шесть швейцарцев.

— Отлично.

— Там, в саду, между двумя Мадоннами я помещу «благородную гвардию».

— Очень хорошо. Ну а вот там, у входа, что вы поставите?

— Там, Святой отец, я поставлю нашу пушку.

— Пушку? — удивился Пий X. — И что же она стреляет, наша пушка?

— О, конечно, стреляет, — гордо отвечал начальник стражи.

— Ну, тогда пусть она остается в подвале, — твердо заявил папа. — Ватикан силен не пушками и защищаться им не будет.

**

Пий XI не только свято верил в этот завет своего предшественника, но проповедывал его в более широком толковании — он вообще возставал против пушек, как способа защищать свои интересы и разрешать споры. В памятные сентябрьские дни, когда мир стоял на краю кровавой бездны, из Ватикана раздавался старческий голос, прерываемый рыданиями, призывавший человечество к миру. Пий XI призывал к миру много раз и по другим поводам, и не только в области международных отношений — расовые гонения, от которого — бы они ни исходили и на кого бы ни распространялись, вызвали в нем суровое осуждение. В своих выступлениях он, как истинный глава духовной державы, умел быть мужественным и независимым. В своих энцикликах, ставших историческими, он клеймил гонения на церковь и духовенство в советской России, в Мексике и в Германии. Во время эфиопской кампании он не скрывал своего осуждения по адресу итальянского правительства.

Вместе с тем это был не только широко образованный эрудит — теолог и философ, но и в полном смысле этого слова передовой человек. Он с неослабным вниманием следили за светской наукой и прогрессом, и широко применял их в своей деятельности. Он был первым папой, обращавшимся «к городу и миру» не только с балкона собора Св. Петра, но и при помощи чудодейственных волн эфира, по радио. Правда, при его предшественниках этого изобретения еще не существовало. Но как только появилась практическая возможность пользоваться им, по распоряжению Пия XI тотчас — же была создана радио — станция Ватикана. Он разрешил снять себя на звуковой фильм, и во время съемок живо интересовался устройством аппарата и рассматривал звуковую пленку. С его — же благословения в Ватикане была установлена станция теле — фотографии, т. е.

передачи снимков по телеграфу. Он лично пустил в ход новую центральную электрическую станцию и центральную станцию автоматического телефона: — его личный телефонный аппарат из золота с эмалью был преподнесен ему, между прочим, американскими почитателями.

Пий XI был страстным строителем и за время его правления Ватикан обогатился множеством новых построек — дворцов, павильонов, семинарий. Многие сады были перепланированы, построен был свой собственный железнодорожный вокзал. Внутри зданий введено было множество улучшений — вплоть до новейших усовершенствованных лифтов.

Наконец, по личному распоряжению папы, была приведена в образцовое состояние знаменитая библиотека Ватикана — папа считался вообще одним из лучших знатоков библиотечного дела в мире, и в свое время много работал в парижской Национальной библиотеке. Ватиканская библиотека — эта несравненная сокровищница книжных богатств, насчитывающая 50.000 томов и 24 тысячи рукописей, помещается в специальном здании, которое построил для нее по приказу папы Сикста У Доменико Фонтана в 1588 г. Тут, в библиотеке, между прочим, хранятся малахитовая ваза — дар императора Николая I и малахитовый крест — дар кн. Демидова Сан-Донат.

В настоящее время в библиотеке введены усовершенствования «по последнему слову техники»: — несгораемые шкафы для наиболее драгоценных рукописей, желтые полки, удобные каталоги. Предусмотрено даже такое удобство для работающих в библиотеке, как постоянная ровная температура, которую поддерживает на одном и том же уровне круглый год сложная система машин. И недаром Джон Рокфеллер, пожертвовавший крупную сумму на библиотеку в новом дворце Лиги Наций, потребовал, чтобы она была организована по образцу ватиканской.

**

Фигура почившего папы была слишком значительна и многообразна, чтобы можно было охватить ее хотя бы в общих чертах в кратком журнальном очерке. И вероятно, не один десяток томов будет посвящен Пию XI, воспоминаниям о нем и о той роли, которую он играл в жизни мира за последние десятилетия.

Сейчас вместе с печалью об ушедшем, все мы владеет мыслью о его преемнике.

Кто будет этим преемником? Вопрос волнует не только католический мир. Современные политические режимы, на обоих полюсах крайних течений, слишком претендуют на идеологическую непогрешимость, слишком настойчиво стремятся не только к организации общества, но и к владычеству над душами. Сейчас, когда политические партии сами становятся своего рода церквями, не переставая вести чисто политическую борьбу, роль и значения подлинного главы величайшей в мире церкви становится особенно значительной.

Новый папа будет избран на конклаве — особом собрании всех 62 кардиналов мира. Избрание происходит согласно особому строгому церемониалу. Об этом собрании, сопровождаемом множеством любопытных традиционных обрядов, а равно и о самом избрании — в следующий раз.

Е. Сергеев.

НЬЮ - ЙОРКЪ

Изъ путевыхъ замѣтокъ

А. НОСТАЛЬГИНА

(Продолженіе).

II.

Три тирана царятъ въ Нью - Йоркѣ: это — подъемный кранъ, электрическій буравъ и лифтъ — подъемная машина.

И не мудрено... Городъ непрерывно строится... и не можетъ никогда быть отстроенъ. Едва только возвели какое - то чудовище, какъ оно уже устарѣло, превзойдено, не рентабельно, не въ состояніи конкурировать съ **самымъ** «послѣднимъ словомъ», сказаннымъ. Правда, всего на какихъ - нибудь тридцать лѣтъ позже, но возвѣстившимъ нѣсколько какихъ - нибудь новыхъ удобствъ или экономій.

Я уже говорилъ о небоскребахъ, вытягиваемыхъ изъ земли подъемнымъ краномъ—каждый день по этажу. Все, что между небоскребами, — одинъ сплошной строительный участокъ. Нигдѣ на свѣтѣ вы не увидите такого количества взрытыхъ участковъ... И кругомъ неистовствуетъ, скрежещетъ своими желѣзными зубами этотъ буравъ, бичъ Нью - Йорка. Хоръ буравовъ поетъ пѣснь города небоскребовъ, безнаказанно терзая барабанныя перепонки своего леденящего желѣзною какофоніей.

Третій властелинъ Нью - Йорка — это лифтъ. Но это—тиранъ добрый. Лифты пользуются въ Нью - Йоркѣ совѣмъ особымъ уваженіемъ, граничащимъ почти съ пѣтетомъ. Въ небоскребахъ, въ большихъ отеляхъ помѣщенія, отведенныя подъ лифты (ихъ бываетъ тамъ по девять - двѣнадцать рядомъ), напоминаютъ собою своею величественностью и просторомъ преддверіе храма.

Если вамъ нужно подняться въ 70-ый или 80-ый или сотый этажъ, то нельзя предпринять это восхожденіе на лифтѣ, который останавливается въ каждомъ этажѣ. На такой подъемъ потребовалось бы иногда полчаса, а то и больше. Чтобы устранить это неудобство, существуютъ лифты - экспрессы. Такъ, есть лифты, проскакивающіе сразу 20, 30, 40, 60 и т. д., этажей. Если вамъ нужно на 55-ый этажъ, то вы садитесь въ лифтъ, который васъ въ мигъ, однимъ взмахомъ, подбрасываетъ на 50-ый этажъ, а тамъ, на той же площадкѣ, рядомъ, вы пересаживаетесь въ сосѣдній лифтъ, останавливающийся на каждомъ этажѣ, и добираетесь на немъ до своего 55-го этажа.

То - же самое и на метро. Вы состарились бы на нѣсколько часовъ, если бы попробовали продѣлать путь, скажемъ, съ 10-ой улицы на 135-ую (въ Нью - Йоркѣ всѣ улицы нумерованы) въ обыкновенномъ поѣздѣ, останавливающемся на каждой второй улицѣ... Въ подземной дорогѣ это неудобство разрѣшается тоже системою «экспрессовъ». Вы садитесь въ поѣздъ - экспрессъ, пробѣгающій безъ остановки 40 - 60 - 80 улицъ, въ зависимости отъ того, какое разстояніе вамъ нужно «покрыть», и потомъ уже достигаете своей цѣли, пересѣвъ на той - же площадкѣ въ «локальный» поѣздъ, останавливающийся на каждой второй улицѣ.

Лифтъ... Развѣ можно себѣ представить Нью - Йоркъ безъ лифта? и развѣ можно удивляться тому пѣтету, который оказывается лифту въ царствѣ небоскребовъ? Въ конторахъ небоскреба, какъ «Стейтсъ Бундлингъ» работаетъ армія въ 25 тысячъ служащихъ. Число дѣловыхъ посѣтителей этихъ конторъ опредѣляется тоже минимумъ въ 70 - 80 тысячъ человекъ ежедневно. На кругъ, лифты такого небоскреба поднимаютъ въ день до ста тысячъ человекъ и столько же спускаютъ внизъ... Пропуская способность цѣлой желѣзной дороги!...

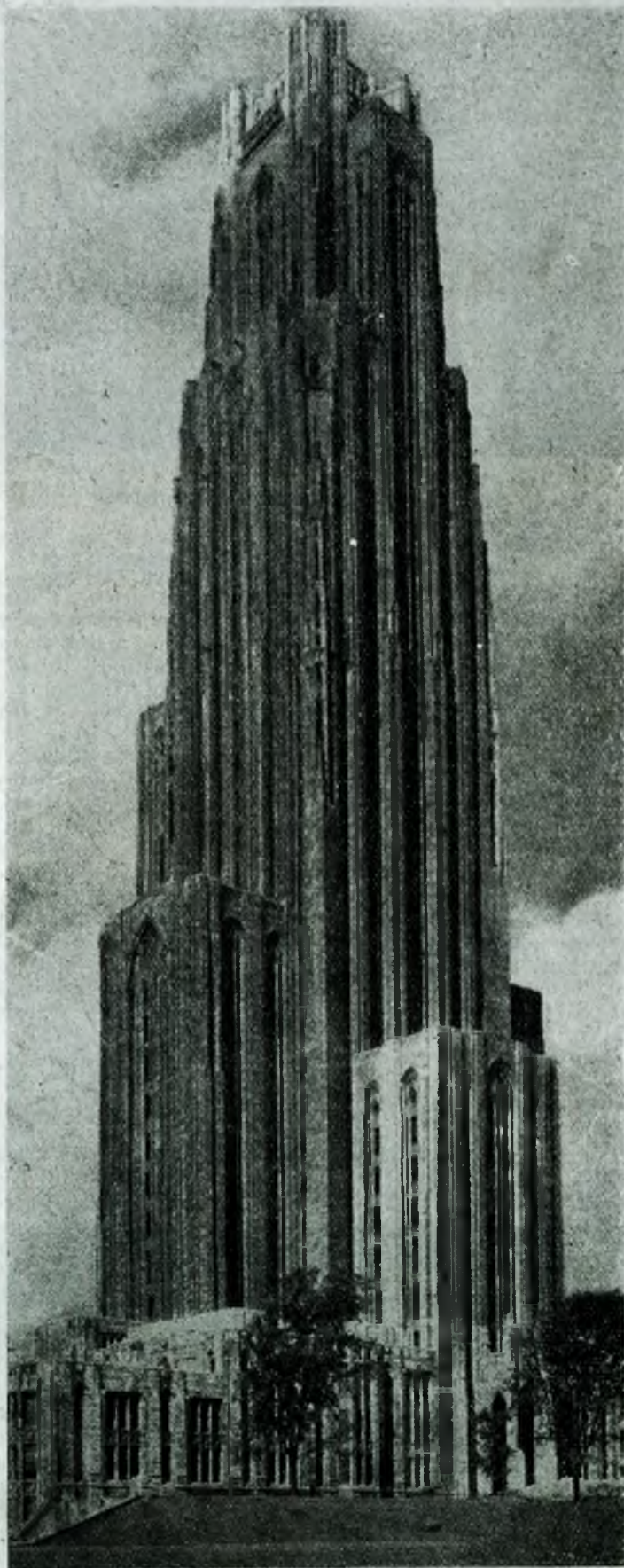
Комфортъ, съ которымъ устроены эти лифты, вполне отвѣчаетъ ихъ отвѣтственной роли и высокому назначенію.

Только когда вы съ высоты какого - нибудь сотаго этажа летите съ ужасающею быстротою внизъ, замираетъ сердце, а рѣзкій свистъ вытѣсняемаго спускающагося внизъ коробкой лифта воздуха, раздающійся внизу, подъ ногами, вызываетъ безпокойное, непріятное чувство.

Стель, въ которомъ вы живете, представляетъ собою цѣлый городъ: не выходя изъ него, вы можете получить все, что вамъ можетъ потребоваться.

Дисциплинированность прислуги совершенно необыкновенная. Но тому комфорту и тѣмъ удобствамъ, которыми вы окружены, вамъ ясно, что васъ обслуживаетъ цѣлый батальонъ всякой прислуги, но вы никогда не видите ея... Она какая - то анонимная... Чтобы вамъ ни понадобилось, вы поднимаете трубку домашнего телефона и бросаете куда - то въ пространство ваше пожеланіе: будьте

См. начало въ ном. 7 «Иллюстр. Россіи».

Послѣднее слово небоскребной архитектуры — 40-этажный красавецъ - небоскребъ въ Питсбургѣ.

Гордость Нью - Йорка.
Висячий мостъ.

спокойны — черезъ двѣ минуты вы можете подойти къ шкафу, устроенному въ вашей двери, имѣющему также и дверь снаружи, и вы найдете въ немъ все, что вы пожелаете.

Въ этотъ же шкафъ вы вывѣшиваете на ночь ваше платье, выставляете обувь — утромъ вы выймете изъ него все вычищеннымъ, выглаженнымъ — при желаніи — выужоженнымъ.

Рядомъ съ календаремъ стоитъ на столѣ «листья» съ перечисленіемъ всего, что имѣется къ вашимъ услугамъ въ отелѣ: тутъ и врачи, и парикмахеры, и шведскій массажъ, и маникюръ, и электрическія ванны и бани и т. д.

Предусмотрѣны всѣ ваши потребности: вы найдете въ вашей комнатѣ не только всѣ могущіе вамъ понадобиться справочники, но и неизбежно — на столѣ у кровати — экземпляръ Библии.

«Гигіена» буквально, преслѣдуетъ васъ въ каждомъ шагѣ. У умывальника — безконечное количество ручныхъ полотенецъ, вашъ телефонъ дезинфицируется каждые 24 часа, стаканы и прочая посуда подаются всегда завернутыми въ стерилизованныя целлофановыя обертки.

Въ только что срытомъ отелѣ «Валдорфъ Асторія» было 3.500 комнатъ. Въ новыхъ — число ихъ доходитъ до 5.000.

Такой отелъ обслуживается цѣлымъ рядомъ собственныхъ заводовъ, занимающихъ 4 - 5 этажей подъ землею.

О необыкновенно оборудованныхъ электрическихъ станціяхъ, вентиляціонныхъ, инсталляціяхъ, автоматически продерживающихъ во всемъ зданіи круглый годъ одну и ту же температуру, о грандіозныхъ собственныхъ прачешныхъ и т. д., говорить уже не приходится. Но... кухни... Кухни подобныхъ отелей — это то, чего не долженъ пропустить ни одинъ туристъ, если ему только удастся получить разрѣшеніе отелъной дирекціи. Прежде всего — эти фантастическіе, необъятные размѣры. Представьте себѣ помѣ-

щеніе, гдѣ сразу готовится — бывають дни — до десяти тысячъ полныхъ обѣдовъ и такое - же, если не большее, количество всякой другой ѣды а ла картъ. Какая интенсивная жизнь, и какая организованная работа протекаетъ въ этихъ залитыхъ электрическимъ свѣтомъ «залахъ» съ возвышающимися среди нихъ гигантскими котлами и установленными по сторонамъ печами, напоминающими собою гигантскіе горны! И эта безчисленная команда поваровъ, помощниковъ поваровъ, поваренковъ и всякаго другого служебнаго персонала — всѣ въ бѣломъ — на фонѣ блистающихъ своею близкою стѣнъ, потолка и даже пола... Настоящая симфонія бѣлаго!.. Затѣмъ слѣдуютъ такія - же гигантскія булочныя, изготовляющія до 30 - 40 разныхъ сортовъ булокъ, необъятныя прожарочныя и паштетныя, выпускающія ежедневно сотни сортовъ всякихъ кондитерскихъ шедевровъ, и т. д.

У каждой хозяйки, читающей эти строки, чавѣрное, виситъ на языкѣ вопросъ: сколько же этимъ несчастнымъ приходится мыть въ день посуды? О, фантастическое количество! Но и въ данномъ случаѣ приходятъ на помощь техника и организация. Всевозможныя машины остроумнѣйшей конструкціи моютъ, вытираютъ, сушатъ посуду; ножи сбрасываются прямо въ огромные вертящіеся барабаны, гдѣ въ непрерывномъ движеніи крутятся металлическіе шарики и просто старыя грамофонныя иглы. Отъ тренія обѣихъ, ножи выходятъ изъ машины не только чистыми, но даже полированными.

Послѣднее слово техники представляютъ собою машины, дающія возможность сервировать механическимъ способомъ цѣлыя банкеты на тысячу и больше персонъ.

Въ этажѣ, гдѣ находится кухня, сооружено огромное колесо, похожее на то, что было когда - то устроено въ Парижѣ во время всемірной выставки. На этомъ колесѣ укрѣплены полки, на которыя выставляются блюда. Въ потолокъ кухни, являющемся одновременно поломъ зала, гдѣ происходитъ бан-

кетъ, имѣется отверстіе. Высота колеса рассчитана такъ, что самый верхъ его вращается всегда въ этомъ отверстіи. По мѣрѣ вращенія колеса, въ залъ подаются такимъ образомъ непрерывно блюда, установленныя на полкахъ. Прислуга снимаетъ ихъ и подаетъ къ столу.

Нью - Йоркъ извѣстенъ какъ городъ парадоксовъ, неожиданностей, ставящихъ прѣзжаго часто втупикъ.

Ваше утро въ отелѣ начинается съ того, что, вмѣстѣ съ горячимъ утреннимъ кофе, вамъ подають стаканъ холодной, ледяной, воды.

Это — парадоксъ номеръ первый.

Сначала вы недоумѣваете. Но уже черезъ день - два вашъ инстинктъ самъ уже толкаетъ вашу руку взять, сначала, именно, стаканъ съ водою. Свойство - ли это нью - йоркскаго воздуха или дѣйствіе центрального отопленія, но вы просыпаетесь всегда съ ощущеніемъ неприятой «сухости» во рту. Нѣсколько глотковъ ледяной воды доставляютъ тогда огромное наслажденіе. Да и кофе послѣ этого становится вкуснѣе. Черезъ нѣкоторое время у васъ инстинктивно устанавливается даже извѣстная, почти узаконенная пропорція: двѣ трети стакана воды до кофе и одна треть — послѣ.

Такъ становитесь вы понемножку американцемъ.

То, что васъ ошарашиваетъ сначала и вызываетъ у васъ полнѣйшее недоумѣніе, понемногу находитъ себѣ объясненіе и всякая самая, на первый взглядъ, казалось бы, нелѣпая нелѣпость, на какую вы можете наткнуться въ Америкѣ, понемногу заставитъ васъ примириться съ нею и признать, что американцы не даромъ считаются неглупымъ и практичнымъ народомъ, — конечно, если вы не непримиримый европеецъ, который, хоть колъ ему на головѣ теши, ни за что не согласится признать что - нибудь положительное за «новымъ свѣтомъ».

Со мною былъ такой случай.

На второй день моего блужданія среди нью-йоркскихъ небоскребовъ, со мною приключилось маленькое несчастье: зажатый гдѣ то въ толпѣ, я сильно оцарапать себѣ руку о какой то острый металлическій предметъ, который несъ на спинѣ стоявшій впереди меня рабочій... Нужно было оказать себѣ «скорую помощь!» Былъ уже одиннадцатый часъ вечера... Куда толкнуться въ такой поздній часъ?

Полицейскій, къ которому я обратился съ этимъ вопросомъ, указалъ мнѣ рукою на горѣвшій всѣми цвѣтами уголь.

— Въ аптеку! — коротко сказалъ онъ.

Я пошелъ по указанному направленію.

Изъ зданія, куда направилъ меня полицейскій, доносилась музыка фокстрота. Нижний этажъ былъ ярко освѣщенъ. Помѣщеніе было переполнено...

Это, конечно, не аптека!... Я, очевидно, не понималъ полицейскаго... Но — интересно! Заглядывая въ окна: аптека!... Цѣлыя витрины со склянками, банками, пузырьками, резиновыми трубками и т. д. Но вдругъ черезъ запотѣвшія окна проплылъ предъ глазами силуэтъ танцующей пары, за нимъ — второй... Нѣтъ! не аптека!... Открылась дверь (на улицу вылилось нѣсколько громкихъ, точно сразу на веретѣ приблизившихся, тактовъ фокстрота), вышелъ человекъ и вынесъ большой свертокъ чего - то и погрузилъ въ ожидавшій у подъѣзда санитарный автомобиль... Нѣтъ, аптека!... Ясно — апте-

ка!.. А что означает тогда это вылетевшая вдруг оттуда с диким хохотом веселая парочка? Это также — аптека? Нет, не аптека..

Что же это такое?

— Да чорт с ней — аптека это или не аптека, — заговорил вдруг во мнѣ трезвый голос туриста, — зайду — вот и все.. Как будто я приѣхалъ въ Нью - Йоркъ, чтобы ходить непременно по аптекамъ.. Мало ли куда можетъ забросить судьба одинокаго туриста!..

Вошелъ..

У входа слѣва — небольшой баръ.. Масса красивыхъ флаконовъ со всякими эссенциями, изъ которыхъ микстеръ смѣшиваетъ разнообразнѣйшіе прохладительные напитки. Публика частью сидитъ на высокихъ табуретахъ, частью просто толпится у стойки. Въ другомъ углу — тоже не совсемъ обычный атрибутъ аптеки — вдѣланный въ массивный ящикъ граммофонъ, фономъ которому служить высокій рядъ этажерокъ съ граммофонными пластинками. Для удобства публики, здѣсь, оказывается, продаются и граммофонныя пластинки. А чтобы публикѣ не приходилось покупать «кота въ мѣшкѣ», для ея удобства, имѣется къ ея услугамъ граммофонъ, при помощи котораго, прежде чѣмъ покупать, можно сначала совершенно досконально ознакомиться со всѣмъ наличнымъ складомъ музыкальнаго товара..

По сторонамъ продавалось еще и еще что-то.

Я протиснулся среди танцующихъ въ самую глубину помѣщенія, гдѣ явно преобладали аптечные аксесуары, и объяснилъ стоявшему за прилавкомъ господину, что мнѣ нужно.

Онъ внимательно осмотрѣлъ мою руку и, набравъ съ собою всякихъ бинтовъ и примочекъ, удалился со мною въ маленькую боковую, комнатку, гдѣ и сдѣлалъ мнѣ, — нужно отдать справедливость, — очень умѣло перевязку, предварительно хорошо промывъ рану — съ соблюденіемъ всѣхъ общепринятыхъ антисептическихъ мѣръ.

— Вотъ она — Америка! — думалъ я, протискиваясь обратно среди танцующихъ паръ. — Аптека съ баромъ, съ музыкой, съ танцами!.. Какая извращенность понятій! духовное убожество, пошлость, данизмъ, отъ которыхъ отдаетъ не то джунглями, не то Клондайкомъ — въ пору золотой лихорадки.

Мой европейскій духъ негодовалъ.

Я вернулся домой возмущенный.. должно не могъ заснуть.. И только любясь необыкновенно тщательно сдѣланной перевязкой, которая была въ извѣстной степени настоящимъ художественнымъ произведеніемъ, я моментами нѣсколько примирялся и говорилъ себѣ.

— А все-таки это было счастье, что я попалъ въ эту танцульку.. Съ такой перевязкой можно спать спокойно: зараженія крови не будетъ.

Каждый европеецъ, приѣзжающій въ Америку, начинается съ того, что переживаетъ «медовый мѣсяцъ». Мѣсяцъ самодовольнаго упоенія, своимъ европейскимъ превосходствомъ.. Какая разница культуръ, понятій, вкусовъ!.. Пусть она, наша Европа, стара, дряхла, но.. Богъ съ нею — съ этою новою цивилизаціей, съ этимъ «новымъ міромъ»!..

Отъ Издательства

„Иллюстрированной Россіи“

Благодаря ряду техническихъ улучшеній и увеличенію размѣра машинъ, на которыхъ печатается «Иллюстрированная Россія». Издательство получило возможность

ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРИТЬ ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА, УВЕЛИЧИТЬ КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦЪ НОМЕРА.

Увеличеніе объема сопровождается одновременно и уплотненіемъ шрифта, дасть Издательству возможность значительно увеличить и количество помѣщаемого въ журналѣ иллюстраціоннаго матеріала.

Особенное удовлетвореніе даетъ Издательству, непрерывно стремящемуся къ улучшенію журнала, сознание того, что оно производитъ эту реформу, связанную съ большими затратами, безъ того, чтобы обременять читателя: **КАКЪ ПОДПИСНАЯ. ТАКЪ И РОЗНИЧНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНИМИ.**

Выходъ увеличеннаго въ объемѣ номера начнетъ съ № 11, выходящаго въ свѣтъ 4-го марта.

У иныхъ европеецевъ этотъ «медовый мѣсяцъ» продолжается иногда два - три мѣсяца, иногда — еще больше. Но, если вы — не «непримиримый европеецъ», какъ я сказалъ уже, то наступаетъ, наконецъ, день, когда вдругъ все неѣлное станетъ для васъ «лѣпымъ», — вы сразу вдругъ найдете какой-то уголъ зрѣнія, не тотъ, что привезли съ собою изъ Европы и взглянуть на вещи подъ

этимъ угломъ, вы найдете всему шокировавшему васъ разумное и практичное объясненіе.

Черезъ мѣсяцъ - два, сбросивъ окрашенные обиходнымъ розовымъ европейскимъ «идеализмомъ» очки, я самъ вспоминалъ ту же самую аптеку уже съ совершенно другимъ чувствомъ, хотя и узнавъ за это время еще дополнительно, что тамъ продаютъ не только лимонады и граммофонныя пластинки, но и пирожныя, брикеты, дѣтскія игрушки, кодаки, часы и пр. Я научился соображать, что Нью - Йоркъ — не счастливая Аркадія, что аптекари — не филантропы (не могутъ даже при желаніи быть таковыми и никто отъ нихъ этого требовать не можетъ), что содержаніе такого помѣщенія въ центрѣ города стоитъ аптекарю чудовищныхъ денегъ, что, если онъ не использовать бы это помѣщеніе одновременно и для какихъ-нибудь другихъ цѣлей, то за каждую скляночку микстуры онъ вынужденъ былъ бы брать цѣну какъ за бутылку шампанскаго, а за скромную порцію слабительнаго обыватель долженъ былъ бы платить ему какъ за самый шикарный обѣдъ въ какой-нибудь «Валфордъ Асторія» и т. д.

Кому, спрашивается, мѣшаетъ, что въ томъ помѣщеніи, гдѣ отпускаютъ микстуры, продаются и граммофонныя пластинки? Или что, разъ пластинки все равно «играютъ», пара - другая и потанцуетъ при этомъ?

Да пусть танцуютъ сколько имъ угодно! Особенно, если я, обыватель, знаю, что до извѣстной степени онѣ танцуютъ на мою и общественную пользу.

Въ какой европейской столицѣ найду я ночью за любымъ угломъ такой перевязочный пунктъ, гдѣ такъ дешево и скоро мнѣ будетъ оказана самая первоклассная медицинская помощь? Хотя тамъ и не танцуютъ..

(Предложеніе слѣдуетъ).

А. Ностальгиявъ.

Романтическій уголокъ нью - йоркской набережной.

Семья министра — примѣръ для народа. Жена б. германскаго министра финансовъ, графа Шервингъ - Кроссинга, со своими семьёю дѣтьми.

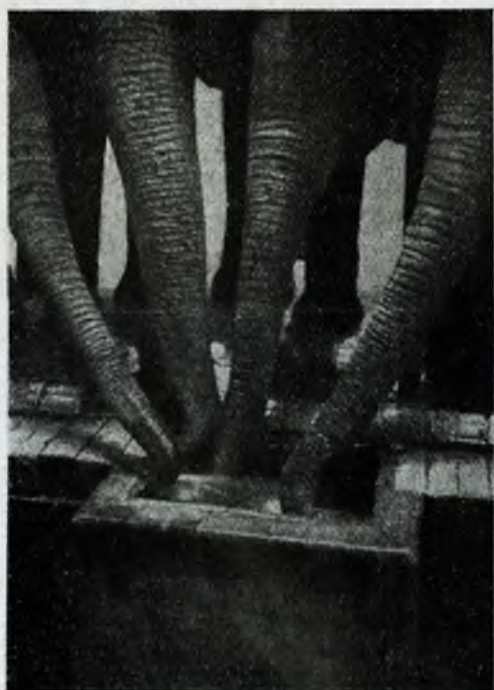

Мать и дитя

Замѣчательный снимокъ, сдѣланный въ зоологическомъ саду: кенгуру со своимъ дѣтенышемъ, покоющимся въ естественной люлькѣ на груди матери.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

ИЗЪ РЕДАКЦИОННЫХЪ АЛЬБОМОВЪ
«ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССИИ»

За утреннимъ чаемъ.
Четверо изъ одной чашки.

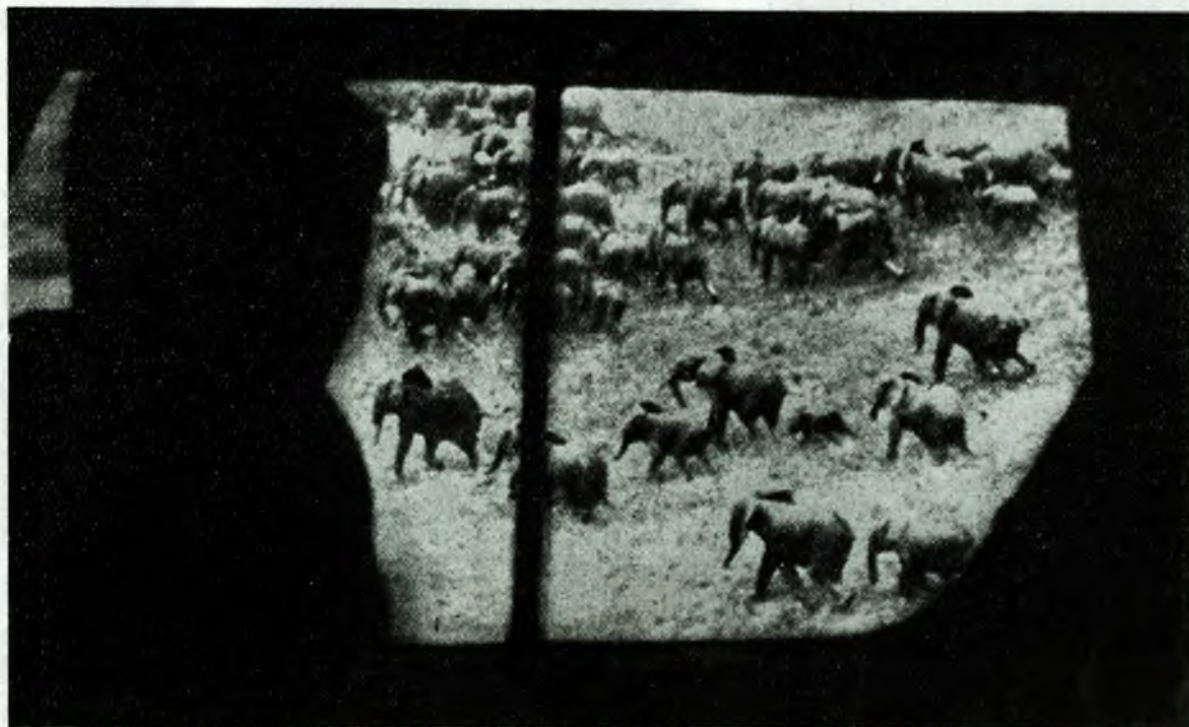
Конкурсъ дѣтской красоты въ Японіи.

Президент Рузвельт и вице -
Президент Гар-
нелъ покидают
банкеты демокра-
тической партии.
(Моментальный
снимок нескром-
ного фото - репор-
тера).

Муссолини произ-
носить рѣчь.
(Изъ кинематогра-
фической ленты).

Что можно видѣть изъ окна аэроплана, пролетая надъ южнымъ Суданомъ — въ Африкѣ.

БОРИСЪ ГРИГОРЬЕВЪ

Скончался Борисъ Григорьевъ

Въ лицѣ его Россія и искусство потеряли замѣчательнаго художника, и горечь этой утраты тѣмъ болѣе ощутительна, что смерть настала его еще далекимъ отъ старости человекомъ, въ полномъ расцвѣтѣ его таланта. Ему только что исполнилось 52 года.

Въ Россіи его громкая извѣстность началась незадолго до революціи; онъ вступилъ на путь самостоятельнаго художественнаго творчества въ 1913-мъ (если не ошибаемся) году. А до этого были годы «учебы», которые онъ провелъ въ московскомъ Строгановскомъ училищѣ и въ петербургской Академіи Художествъ.

И тутъ, и тамъ онъ проявилъ блестящія способности; но и тутъ и тамъ онъ оказался въ рамкѣ «официальной» школы. Бунтъ Григорьева начался еще въ Москвѣ, лучшее воспоминаніе о которомъ для него составилъ его первый учитель рисунка Щербинновскій и встрѣча на школьной скамьѣ съ Е. Г. Браше, которая вскорѣ и стала его женой. Въ Петербургѣ онъ былъ ученикомъ Кардовскаго, но лишь очень короткое время; и послѣ ухода изъ его класса (гдѣ въ это же время дѣлалъ огромные успѣхи А. Е. Яковлевъ) «Академія» стала для него лишь «отбываніемъ повинности». Онъ рано пошелъ по своему собственному пути...

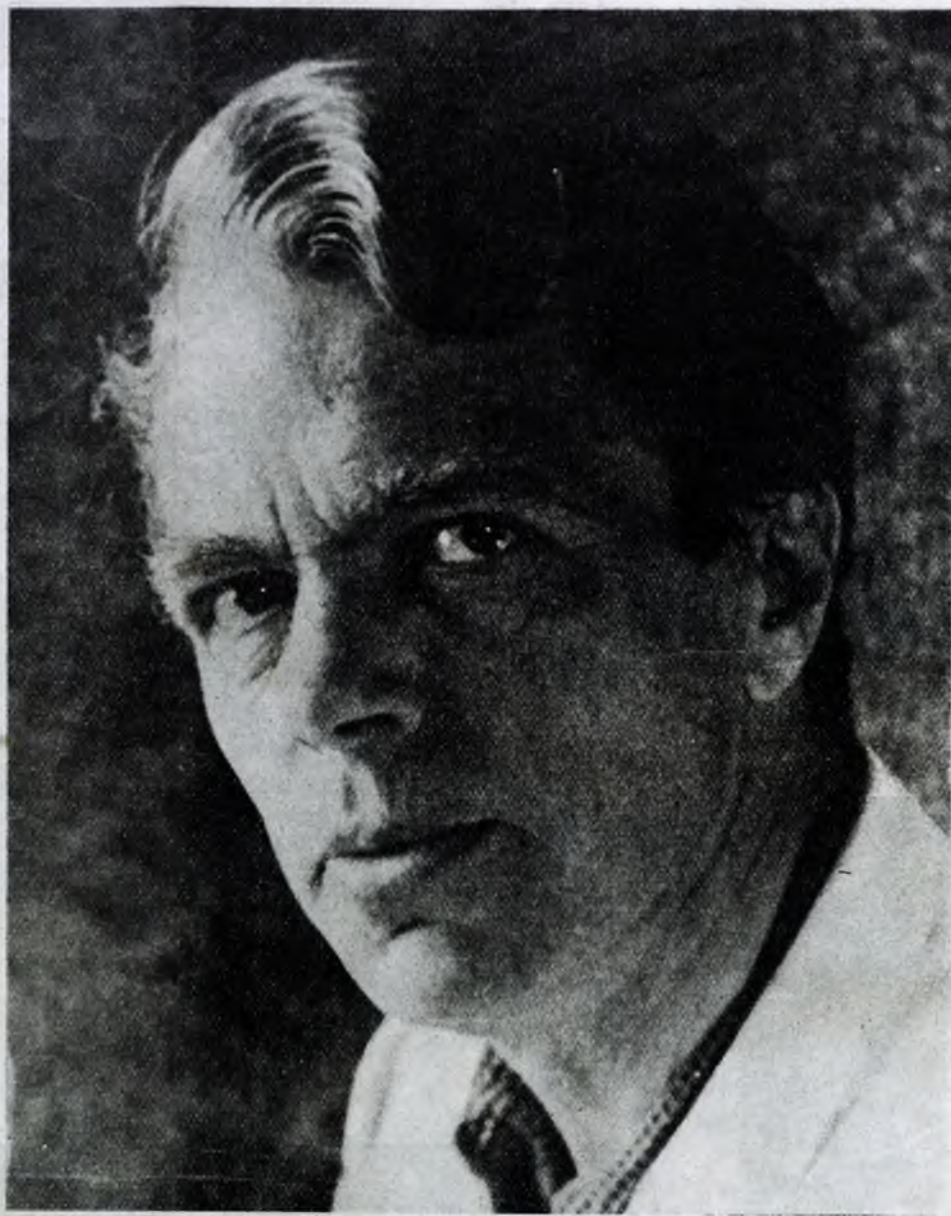
Академія Художествъ сняла его картины съ конкурса, принесшаго лавры его другу А. Е. Яковлеву. Произошелъ извѣстный «академическій скандалъ», и «Міръ Искусства» сразу же одержалъ побѣду надъ академиками, поддержавъ юнаго бунтаря. А. Н. Бенуа въ «Рѣчи» призналъ его явленіемъ исключительнымъ и многообещающимъ.

Въ началѣ 20-хъ годовъ вмѣстѣ съ женой и сыномъ онъ на лодкѣ по Финскому заливу уѣхалъ изъ Россіи. Въ Берлинѣ, гдѣ онъ вскорѣ открылъ свою выставку, онъ былъ сразу же воспринятъ, какъ замѣчательный, своеобразный, своевольный художникъ — «отраститель» революціонной Россіи. Мюнхенскій Сецессионъ избралъ его своимъ членомъ. И вскорѣ о немъ заговорили и Парижѣ, гдѣ первая послѣ 1905 года выставка «Мира Искусства» выдвигаетъ на первый планъ среди русскихъ — именно, его вмѣстѣ съ Яковлевымъ и Судейкинымъ.

Въ это время была издана и его серія новыхъ работъ — «Визажъ де Русси», «Лицъ Россіи», отчасти содержавшая въ себѣ его запечатлѣнія «Братьевъ Карамазовыхъ», «Царя Федора Ивановича», «Вишневаго сада», увидѣнныхъ имъ на парижскихъ гастроляхъ тогдашняго Московскаго Художественнаго театра. За ними слѣдуютъ «Бун - Бун», острѣе запечатлѣнія тулонской кабацкой реальности...

Но въ эти же годы онъ ставитъ передъ собой задачу и другихъ свершеній, и «нео-классицизмъ», примитивизмъ геніальной эпохи Ренессанса увлекаютъ его на пути большого патетическаго искусства. Такъ возникаетъ его замѣчательная — уже на холстахъ и масломъ — Бретань (головы бретонскихъ людей и бретонскіе пейзажи). И въ это же время онъ уже и мастеръ — портретистъ: карандашомъ и кистью онъ создаетъ большую галерею нашихъ современниковъ — «людей міра»...

Онъ «сосыетъ» «Осенняго Салона», и

Б. Д. Григорьевъ.

вскорѣ Америка привлекаетъ его къ себѣ. Въ Сѣверной Америкѣ онъ участвуетъ на выставкахъ Карнеги въ Питсбургѣ, и послѣ поѣздокъ туда, становится однимъ изъ любимыхъ художниковъ въ Америкѣ. Портреты слѣдуютъ одинъ за другимъ — невозможно было бы дать сколько-нибудь полный перечень...

Южная Америка въ свою очередь привлекаетъ его къ себѣ. Въ 1928 году онъ былъ приглашенъ въ Чили въ Академію Художествъ. Бразилія, Аргентина, Уругвай — дважды, какъ и Чили, были посѣщены имъ.

Во Франціи, и въ послѣдніе годы именно на югѣ Франціи — онъ создаетъ замѣчательныя картины съ запечатлѣніемъ пейзажа, натюрмортовъ, цвѣтовъ... Человѣческое лицо, психологія — недостаточны ему, влекущемуся и къ «чистому» искусству живописца... Но и «литературныя» темы владѣли имъ время отъ времени и въ эти уже неначальные годы его творчества. Однимъ изъ его шедевровъ являются его иллюстраціи къ «Братъ-

ямъ Карамазовымъ», которыхъ Парижъ такъ и не увидѣлъ: онѣ были проданы въ Америкѣ.

Неустанно, пламенно, виртуозно и жестоко («жестокій талантъ»!) работалъ онъ, не покладая рукъ все послѣдніе годы. Онъ скончался въ ночь на 8-е февраля. Послѣдніе мѣсяцы жизни его были отмѣчены тяжелой болѣзью (ракъ желудка). Въ концѣ сентября ему была сдѣлана операція, къ сожалѣнію позволившая лишь констатировать, что быстрый трагическій исходъ болѣзни неизбеженъ. Самъ Б. Д. Григорьевъ не зналъ о характерѣ своего заболѣванія; его жена Е. Г. Григорьева, на долю которой выпала тяжелая задача, самоотверженнаго ухода за больнымъ, удалось это скрыть отъ него. Съ половины января состояніе больного ухудшилось до крайней степени.

Первые жестокіе симптомы болѣзни Б. Д. Григорьевъ ощутилъ по полученіи извѣстія о смерти (отъраковаго же заболѣванія) своего друга и товарища по искусству А. Е. Яков-

Сэръ Генри Детердингъ

Сэра Генри Детердинга я зналъ давно, какъ выдающагося промышленнаго дѣятеля, личнымъ талантомъ и исключительно энергіей создавшаго одно изъ крупнѣйшихъ міровыхъ нефтяныхъ предприятий, дѣятельность котораго распространялась и на Россію.

Здѣсь въ эмиграціи двѣ знаменательныя личныя съ нимъ встрѣчи позволили мнѣ и ближе сойтись съ нимъ, и оцѣнить его, какъ крупнаго одновременно, проникательнаго и умнаго, человека. Впервые я обратился къ нему въ 1925 году и подробно ознакомилъ съ предпринимаемымъ русской эмиграціей дѣломъ подготовки новыхъ русскихъ культурныхъ силъ для будущей Россіи. Я объяснилъ сэру Генри всю важность этой задачи не только для одной Россіи, а и во имя нашей общей міровой цивилизаціи.

Для всякаго, знающаго Россію, народъ русскій и его исторію, совершенно очевидно, что неизбежное освобожденіе Россіи отъ переживаемаго ею сейчасъ кошмара — коммунистическаго ига — вопросъ лишь времени и что слѣдъ за симъ начнется тотчасъ же созидательный процессъ, для успѣха котораго потребуются содѣйствіе и новыхъ русскихъ культурныхъ силъ. Подготовить ихъ теперь же за рубежомъ Россіи — прямая задача и долгъ многомилліонной русской эмиграціи.

Сэръ Генри сразу понялъ общечеловѣческое, культурное значеніе этого дѣла и съ тѣхъ поръ сталъ безпрерывно оказывать ему свою исключительную огромную поддержку, а мнѣ свое неизмѣнно доброе расположеніе.

Чтобы оцѣнить размѣры и значеніе оказанной имъ русской эмиграціи въ этой области поддержки, достаточно сказать, что его ассигнованія на это дѣло стоятъ въ ряду не той помощи, какая оказывалась на нее многочисленными иностранными и русскими жертователями, а въ ряду ассигнованій, пришедшихъ намъ на помощь иностранныхъ государствъ. По своимъ размѣрамъ, около 2.500.000 франковъ, его помощь русской мо-

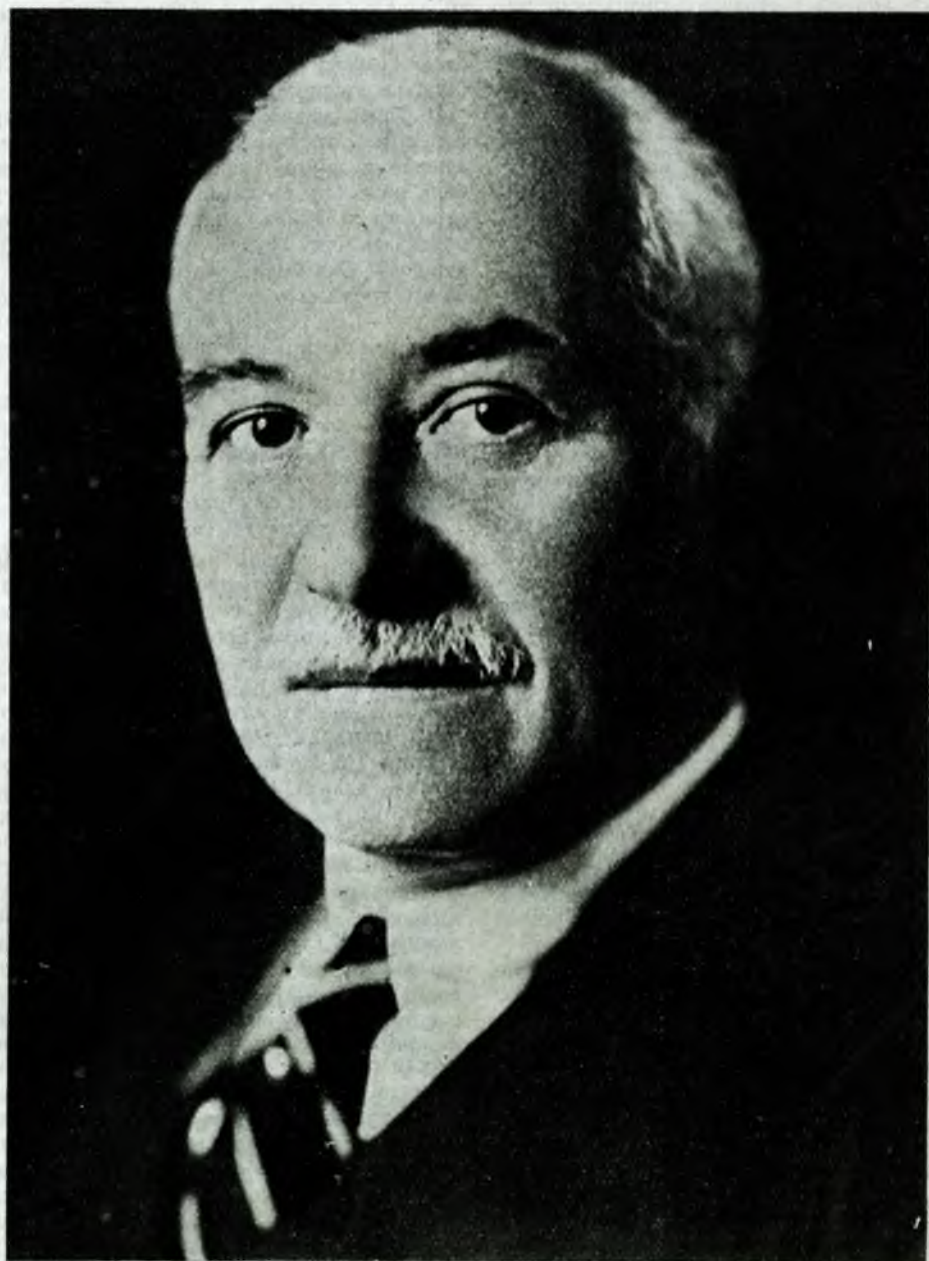
лодежи, учащейся въ высшихъ школахъ западной Европы, слѣдуетъ непосредственно за тѣмъ, что было на это дѣло дано Чехословакіей, Югославіей и Франціей, каждой въ отдѣльности, и превышаетъ ассигнованія каждаго изъ остальныхъ государствъ: Бельгіи, Болгаріи, Германіи, Польши, Италіи и Голландіи. Въ результатъ щедрая поддержка сэра Генри дала возможность закончить свое высшее образованіе многимъ сотнямъ русской эмигрантской молодежи, которая вернется въ свое время въ Россію вооруженная знаніями, а пока во время ея вынужденнаго дальнѣйшаго пребыванія за рубежомъ получила возможность жить здѣсь и дѣйствовать въ условіяхъ болѣе для нея благоприятныхъ.

Когда затѣмъ, нѣсколько позже, я рѣшилъ съ друзьями создать органъ «Борьбу за Россію», предназначенный для пересылки въ Россію, я вновь посетилъ сэра Генри и убѣдился въ государственномъ пониманіи имъ опасности той смуты, которая, извнѣ запе-

сенная въ Россію, должна была неизбежно породить и міровую смуту, всѣми нами и до сихъ поръ переживаемую. Сэръ Генри сразу понялъ всю важность задуманной нами задачи и тотчасъ же оказалъ намъ свою серьезную поддержку. Она продолжалась до тѣхъ поръ, пока я самъ не прекратилъ это изданіе, убѣдившись, что русскіе люди на нашей родинѣ сами на горькомъ опытѣ уже лучше насъ познали весь ужасъ коммунистическаго режима. Убѣждать ихъ въ этомъ нечего, а приходится волей-неволей ждать, пока окончательно созрѣетъ постепенно готовящийся освободительный процессъ, ускоримый испугомъ самой власти, неизбежно ощущающей его развитіе и нарастаніе.

Таковы заслуги сэра Генри Детердинга не только передъ всей русской эмиграціей, но и передъ Россіей, которая въ свое время и сама ихъ несомнѣнно оцѣнитъ.

Михаилъ Федоровъ.

Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ сэра Генри Детердинга.

лева, въ маѣ прошлаго года. Онъ сразу какъ бы осозналъ нависшую надъ нимъ угрозу, и къ этому времени относятся написанные имъ послѣдніе холсты — его цвѣты и автопортретъ (почти законченный). Но скоро силы оставили его...

Въ Кань сюръ Меръ Б. Д. Григорьевъ жилъ на собственной виллѣ, и здѣсь же скончался въ своей мастерской. Пишущій эти строки (я пишу ихъ подъ жестокимъ впечатлѣніемъ его послѣднихъ проводовъ на кладбище) засталъ его тѣло, покоющимся въ этой, когда то столь радостной, его мастерской на его виллѣ «Боризелла». Онъ лежалъ среди цвѣтовъ — по большей части изъ собственнаго же его сада. И со стѣнъ на него смотрѣли его картины — пламенные, темпераментныя, живыя. Тутъ же увидѣлъ я его портреты: работы Рѣпина (рисункъ большой и значительный его молодого), работы А. Е. Яковлева (классическое мощное искусство!), работы Бориса Шаляпина (накuralистическій и близкій по сходству)...

Мы проводили его до кладбища. Вдова и сынъ, худ. Н. П. Рябушинскій, о. Н. Церетелли, еще нѣсколько лицъ, случайно узнавшихъ о часѣ неопубликованныхъ похоронъ.

Вѣчная, вѣчная память!

Лоллій Львовъ.

ЖИЗНЬ МА

Очерки ее дочери

Авторизованный перевод для

ГЛАВА 11-ая: ВОЙНА (Продолжение)

Кроме знаний, неутомимого духа и неисчерпаемой энергии, Мария обладает еще в высокой степени одним особенным даром — даром быстро разрешать возникающие затруднения, «разрубать узлы», что на войне очень важно и ценно. Нет шофера? — она сама садится за руль своего Рено и расхлябанная машина с треском и грохотом покатила по рыватым развороченным дорогам. В холод можно видеть ее крутящую из всех сил непокорный рычаг застывшего мотора; или налепленную всем своим телом на колесо — с силой насаживающей на него новую шину, или сосредоточенно, с наморщенными бровями, с видом настоящего специалиста, чистящую карбюратор.

Ей совершенно чужда потребность в самом минимальном комфорте. Быть как все! — другого она ничего не хочет. Ни одна женщина с ее именем, вероятно, никогда не могла бы дойти до такого самоотречения. Завтраки, обеды, об этом она забывает совсем. Спать? — Спать ей совершенно безразлично где и как — прикурнуть ли в маленькой комнатке сиделки или в открытом поле, под прикрытием холодной полотняной палатки... С холодом она познакомилась когда-то еще в своей студенческой мансарде. Это знакомство послужило ей на пользу теперь, когда она стала солдатом Великой войны.

Ирен и Ева живут тем временем как настоящие дѣти «комбатанта». Только совершенно иногда невыносимые припадки боли в почках загоняют изредка Марию на несколько дней домой: это — единственный случай, когда позволяет она себе маленький «отпуск». Как только боли прекратились — она уже опять в дороге — в Реймсе, Кале, Поннеринге — в одном из трех или четырехсот французских или бельгийских госпиталей, которые она непрерывно объезжает во время войны. В наскоро набросанных открытках, посылаемых с фронта своим дѣтям, Мария ограничивается короткими репликами:

20 января 1915 г.:

«Дорогие дѣти! Прибыли в Амьен, где и переночевали — в дороге у нас лопнули две шины. Всем привет!»

В тот же день:

«Прибыли в Аббевиль. Жанн Перрен налетел со своим автомобилем на дерево. К счастью, обошлось довольно благополучно. Направляемся в Булонь».

24 января 1915 г.:

«Дорогая Ирен! После разных перипетий мы прибыли в Поннеринг, но мы не сможем здесь работать, пока не будет закончено переоборудование госпиталя. В Дюнкерк немецкие авионы сбросили несколько бомб, убив при этом несколько человек. Население, однако, отнеслось к этому

с большой выдержкой. В Поннеринг было тоже несколько таких случаев. Грохот пушек слышен почти непрерывно. Неможно морозить. У меня в госпиталь чудная комната, мы даже топим камин. Столуюсь я тоже в госпиталь. Крепко целую тебя».

Май 1915 г.:

«Дорогая! Я вынуждена была прождать в Шалон восемь часов и потому прибыла в Верден только в 10 час. утра. Прибыла также и автомобиль. Принимаемся за работу».

Однажды вечером, в апрѣль 1915 г. Мария приехала неожиданно домой — блѣдная и менее оживленная, чем обыкновенно. Не отвѣчая на тревожные вопросы, которыми засыпали ее домашние, она удалилась в свою комнату и заперлась на ключ. Она была не в духе.

В чем дело? Оказывается, при возвращении из госпиталя в Фарж, шофер слишком круто повернул руль и автомобиль полетел в канаву. Автомобиль перевернулся и Мария, сидевшая внутри его, очутилась под грудой навалившихся на нее ящиков. Она была зажата очень сильно. Но не это тревожило ее. Ея первою мыслью было: что — с радиологическими пластинками, которыми были наполнены ящики? По немногу освободив себя из-под лежавших на ней ящиков, Мария вдруг разразилась громким хохотом: ей вспомнилось, как перепуганный шофер, совершенно растерявшись, беспомощно стоял у опрокинутого автомобиля и со страхом спрашивал ее: «Мадам, вы мертвы?»

Ничего не сказав никому о своем приключении, она спряталась в своей комнате, чтобы подлечить свои поранения, правда, легкие. Об этом происшествии так никто из домашних и не знал — бы, если бы в уборной не было бы найдено потом газеты от того дня, в которой в ярких, кровавых, красках описывалось все это происшествие. Но Марии уже не было: она уже укатила дальше в своей круглой шапочке, со своим желтым чемоданом и большим черным кожаным бумажником в кармане, как посят мужчины, специально купленным ею для «военных дѣл».

Потом, в 1918 г. Мария забыла этот бумажник в глубине выдвижного ящика своего рабочего стола и там он и пролежал до 1934 года — был найден уже после ее смерти. В нем нашли «карты дидантиса» на имя Марии Кюри, «директриссы радиологической службы», удостоверение от артиллерийского управления, предоставляющее Марии Кюри право пользоваться военными автомобилями, десятком разных ордеров, относящихся к ее работам для Союза французских женщин, четыре фотографии (ее собственную, одну — ее отца и две — ее матери) и два пустых мешочка из под смяты, которые, очевидно, были ею засыпаны в коротком перерыве между двумя поездками на клумбу какого-нибудь госпиталя.

На них была надпись: «Розмарин, засѣвать между апрѣлем и юлем».

Ирен и Ева занимаются тем временем тем, что вяжут для своих военных «крестников» фуфайки да украшают флажками висящую в столовой карту театра военных действий, с большим интересом слѣдя за ходом военных операций. Мария заставляет дѣтей ухаживать без нее на каникулы, но дальше ее опека уже прекращается. Она «пріемлет», что во время налетов дѣвочки остаются в кровати, вместо того, чтобы дрожать от холода в погребках, что Ирен и Ева вступают в 1916 году в отряд добровольцев — жнецов в Бретани для замещения ушедших на войну крестьян и что он вяжут в течение пятнадцати дней снопы, работая на молотилке, что в 1918 году он живет в Париже, несмотря на бомбардировку гигантской «Берты»... Мария любит эту благоразумную нетребовательность в своих дѣтях, Ева еще слишком мала, чтобы оказывать настоящую пользу, но Ирен уже 17 лет, она уже начинающий радиолог, правда, без сертификата Сорбонны. Сначала она работает в качестве «техника» при матери, но затѣм она получает от нее и самостоятельные поручения. Мать посылает ее в разные госпитали на фронт и приобретает в ее лице для себя в высшей степени ценную сотрудницу — и друга.

Однажды Мария обратилась к Ирен за советом.

— Правительство, — сказала она, — просит частных лиц сдавать ему имеющееся у них золото. Я хочу отдать ту малость, что у меня есть. Я присоединю к этому и мои золотые медали, которые мне совершенно бесполезны... Но вот в чем дело.. Я как то по лѣни оставила мою вторую нобелевскую премию — единственно определенное что мы имеем — в шведских кронах в Стокгольме. Я хотела бы теперь потребовать эти деньги сюда и поместить их в военный заем. Государству нужны деньги. Я не дѣлаю себе никаких иллюзий: всего вероятно — эти деньги будут потеряны. Но я не хотела бы сдать эту «глупость» без твоего одобрения.

Размѣненные на франки шведские кроны превратились в бумаги разных «национальных подписок» и, как Мария и предвидѣла, так и растаяли понемногу. Золото сдала Мария в Банк де Франс. Мысль ее о том, чтобы отправить в плавильную печь медали, долженствующая быть предметом гордости, чиновник, принимавший монеты, с возмущением отвергнул. Мария этим не была ничуть полщена. Подобный «фетишизм» вызывал у нее рѣзкое осуждение.

В редкие часы передышки, выпадающие на долю Марии, можно видеть ее иногда сидящей на скамейке в саду на рю Пьер Кюри, среди подросших уже «ее» лип. Взорь ее грустно устремлен на только что отстроенный, но уже опустошенный «Институт радия». Мысли ее обращены к ее со-

Р И И К Ю Р И

Евы КЮРИ

„Иллюстрированной России“

трудникам — все они на фронте — и в особенности к ее ближайшему ассистенту, поляку Жану Даничу, умершему геройской смертью.

Когда кончится этот кровавый ужас? И когда можно будет, наконец, возобновить научную работу?

Не прерывая работы для войны, она готовится тем временем к миру. Она успевает перевести свою лабораторию с рю Кювье на рю Пьерь Кюри. Сама упаковывает и распаковывает ящики, сама управляет автомобилем, перевозящим ценные радиологические приборы. В результате — новая лаборатория готова. Мария привезла обратно из Бордо оставленный там во время опасности грамм радия и предоставила его «на службу родины». Радий, как и X-лучи обладает всевозможными лечебными свойствами. «Эманацию», излучаемую радием, она собирает каждые восемь дней в особые тюбочки, и разсылает их в различные госпитали, где «эманация» оказывает большие услуги при лечении трудно поддающихся заживлению ран.

Передвижная радиологическая станция, постоянные радиологические пункты, организованная рассылка «эманации»...

Этим, однако, Мария не ограничивается.

Недостаток в обученном вспомогательном персонале представляет собою очень серьезную проблему. Мария предлагает правительству организовать постоянную школу радиологов. Школа учреждается. Первые преподаватели ее: Мария Кюри, Ирен Кюри и еще одна очаровательная женщина, ученая, мадемуазель Клейн. Сто пятьдесят сестер-радиологов, которых выпускает школа за два года, принадлежат к самым разнообразным слоям общества. Многие из них начали обучение почти без всяких знаний.

Имя Марии Кюри вначале пугало их. Но, обласканная простотою ее обхождения, они быстро осваивались. Мария умела увлечь их работой. Нужно было видеть торжество бывшей горничной, когда она в первый раз сама проявила радиологическую пластинку и на ней появилось изображение. Она радовалась так, как если бы само открытие было ее личным достижением...

Новая — военная — деятельность Марии приводит ее в контакт с самыми разнообразными людьми.

Элегантные дамы, «ангелы - хранители» госпиталей, с высокомерием поглядывают на скромно одетую женщину, которая даже не называет своего имени, и во всяком случае, относятся к ней, как к существу низшему. Марию смущают их чванство. Но наряду с этими незначительными проявлениями фанфаронства, встречаются и моменты чистые и светлые — как работа бок-о-бок с молчаливою сосредоточенною парой — сиделкою и солдатом — в госпиталь в Гугстадт — королевою Елизаветой и королем Альбертом бельгийскими.

Пушечные выстрелы, возмущающие перемирие, заставляют Марию в ее лабораторию.

Ей неудержимо хочется украсить в этот день «Институт радия» и она целый день в бѣгах, вместе со своею сотрудницей Мартой Клейн по магазинам «карты» — в поисках французских флагов. Нигде уже ничего не достать. Кончается тем, что покупаются куски материй трех цветов, которыми наскоро украшаются окна института. Мария от возбуждения и радостного волнения не находит себе места. Она садится с мадемуазель Клейн в старый «радиологический» автомобиль, превратившийся за четыре года войны в настоящую хламиду, и несет по улицам Парижа в водоворот ликующего народа. На площади Согласия такая толпа, что не продвинуться. Люди вьшаются на крылья автомобиля, взбираются на крышу. Когда автомобилю, наконец, удается тронуться, он нагружен, по крайней мере, десятком «непредусмотренных» пассажиров, которые до самого утра не покидают этого импровизированного «императора».

Война оборвала научную работу Марии, она отняла у нее здоровье и разорила ее. Стукнул уже пятый десяток, а у Марии в сущности — нет никаких средств на то, чтобы жить и вытянуть детей — она имеет одно только свое профессорское жалованье — 1.000 франков в месяц. Но она не теряет духа.

Интересно отметить одну деталь, которая показывает, как смотрела Мария сама на свою работу на фронте. Как известно, ей был однажды предложен орден Почетного Легиона и она это предложение отклонила. Близкие Марии знают, однако, что, когда ей в 1918 году была предложена степень кавалера военного ордена, она приняла связанную с нею скромную ленточку.

Уже через несколько недель по окончании войны, роль, сыгранная моею матерью во это ужасное время, была освещена во всех мемуарах. И тем не менее, никому и в голову не пришло даже за такие исключительные заслуги прикрепить к платью героини хотя бы малый солдатский крест.

ГЛАВА 12-ая: АМЕРИКА

Однажды, в одно прекрасное утро в мае 1920 года в маленькой приемной «Института радия» появилась одна дама — американка. Ее зовут миссис Вильям Браун Мелони; она заѣзжает в Нью - Йорк одним большим магазином. По ее виду — в ней никак нельзя предположить деловой женщины. Она маленького роста, хрупкая, почти немощная. Несчастный случай, перенесенный ею в детстве, обрек ее на легкую хромоту. На ее красивом бледном лице, окруженном сѣдыми волосами, горят громадные, «поэтические», черные глаза. Дрожа от волнения, спрашивает она открытую ей дверь служанку, не забыла ли мадам Кюри о назначенном ей свидании.

Этого свидания она ждала уже несколько

лет. Миссис Мелони принадлежала к кругу тех женщин (с каждым днем возрастающему), которые с горячим восхищением следили за жизнью и работой Марии Кюри. И как идеалистка американского порядка, а к тому же и бывшая журналистка, она сделала все возможное и невозможное усилие, чтобы подойти ближе к предмету своего поклонения. После многих численных просьб о свидании, оставшихся без ответа, миссис Мелони добилась, наконец, того, что один из ее друзей, один физик, передал Марии ее последнюю мольбу о свидании — «только на несколько минут».

На следующий день Мария приняла ее в своей лаборатории.

«Когда открылась дверь, — описывала потом эту встречу миссис Мелони, — в комнату вошла бледная женщина, с робкими движениями, и с лицом таким грустным, какого я не встречала больше никогда в жизни. На ней было черное шерстяное платье. Ее прекрасное, нежное лицо, носило на себе отпечаток страдания. Взгляд — отсутствующий, разбятый, как бывает у людей, отдавших целиком науке... Мне стало вдруг неловко за мое вторжение. Робость парализовала меня».

Больше двадцати лет жизни я была профессиональным газетным репортером. В данном случае я явилась, чтобы поставить этой женщине в черном, один только единственный вопрос. Но я робела. Я проговорила объяснить ей, как в Америке интересуются ее работою, робко прося все время извинения за мою нескромность... Очевидно, чтобы помочь мне, мадам Кюри заговорила об Америке.

— Америка обладает, — сказала она, — почти пятьюдесятью граммами радия: четыре — в Барселоне, шесть — в Денвер, семью — в Нью - Йорке. — Она продолжала перечисление, точно называя, где имело какое количество радия.

— А во Франции? — спросила я.

— Во Франции?.. в моей лаборатории имеется чуть больше одного грамма.

— Как? У вас всего только один грамм радия?

— У меня? У меня вообще нет ничего! Этот грамм радия принадлежит моей лаборатории.

Я заговорила о патенте, о возможных доходах, которые должны были бы сделать ее богатою.

Мария Кюри ответила на это решительно:

— Радий не должен никого обогащать. Это — дар природы. Он принадлежит всем.

— Скажите, если бы вам нужно было назвать, что составляет предмет наших самых сокровенных желаний, что назвали бы вы? — бросила я вдруг неожиданно для самой себя, впопыхах.

Вопрос был несколько неуместный и может быть, не совсем тактичный... но, поставив его, я сразу вздохнула свободнее...

Еще на этой неделе я узнала, что «рыночная» цена одного грамма радия была сто тысяч долларов (двести тысяч золотых рублей)... Узнала я также и что лаборатория Марии Кюри, хотя и почти новая, не может развиться настоящим образом своей деятельности, так как одного грамма радия, находящегося в ее распоряжении, едва достаточно на одно только добывание «эманации», рассылаемой в тюбочках больницам и другим лечебным учреждениям.

(Продолжение следует).

ТРАФИНА СОФЯ ПОТЮЦКАЯ

Очеркъ П. Кремнева

Польскій посолъ при Оттоманской Порте Боскамъ Лясопольскій закончилъ сдачу своихъ дѣлъ своему намѣстнику и совершалъ свою послѣднюю, прощальную, прогулку по Константинополю.

Солнце палило во всю... Люди попрятались въ своихъ жилищахъ за наглухо снушенными жалюзи. Весь городъ погруженъ въ дремоту. Ни вѣтерка, ни малѣйшаго движенія воздуха. Жарко какъ въ печкѣ. Величественно поконлся, точно заключенный въ огромной вазѣ, наполненной до верха, синій Босфоръ. Жара сломала и его... Какъ только не закипитъ отъ жары вся эта водная громада!..

Двойственное чувство на сердцѣ у дипломата. Нѣсколько лѣтъ службы на Востоке — гдѣ и природа, и климатъ, и люди, и нравы — чужіе, совсѣмъ не то, что въ Европѣ, — срокъ, конечно, достаточный для того, чтобы тоска по родинѣ могла заявить свои права. И вмѣстѣ съ тѣмъ разлука съ этимъ грязнымъ, сказочнымъ краемъ, съ этою живописною — нарядною нищетою, съ этою слащавой красотой, съ пріятною «экзотикой» всего окружающаго, волнуетъ его... Еще и еще хочется вдохнуть въ себя этого опьяняющаго воздуха Востока... Точно въ запасъ...

Онъ бродитъ безъ цѣли, безъ плана, болѣе отдаваясь воспоминаніямъ, чѣмъ настоящему.

Вотъ базаръ... Знаменитый восточный базаръ! Чего — чего только нѣтъ на такомъ базарѣ!.. Яркие расшитые золотомъ, парчею и шелками халаты, ткани, шали, платки, туфли... Ножи, книжки, амулеты, бѣлая кость...

Лясопольскій — превозмогая въ себѣ усталость и лѣнь, приступать къ тому, за чѣмъ онъ, собственно, пришелъ сюда. — Купить сувениры для своихъ европейскихъ друзей. Часъ поздній — базаръ уже кончается. Торговцы облѣпили выдѣляющагося своею импозантною европейско-барственною фигурой дипломата, и, шумя, галдя, перебивали другъ друга, стараются каждый всунуть ему — кто что можетъ. Хоть подъ конецъ — слава Аллаху! — появился тароватый покупатель!..

Полицейскіе уже торопятъ продавцовъ закрывать свои ларьки, повсюду собирая мелкую мзду за «нарушеніе правилъ торговли». Торговцы почти безъ ропота въ этотъ разъ отчуждаютъ имъ крохи изъ своей неожиданно ниспосланной небомъ хорошей добычи...

— Ну, а ты чего тутъ? — набрасывается вдругъ полицейскій на неряшливо прикрытую какими то полосатыми лохмотьями женщину, все время слѣдующую по пятамъ за дипломатомъ. — Прочь отсюда!..

Бѣдная женщина, бросая своими черными глазами гнѣвный взглядъ на полицейскаго, отходитъ въ сторону.

Но черезъ минуту она снова въ толпѣ, окружающей высокую фигуру дипломата, къ

Справа:
Софія Потюцкая.

которой, точно къ магниту, тянется все кругомъ.

— Прочь, проклятая! — бросается на нее полицейскій и сильнымъ ударомъ въ спину отшвыриваетъ ее въ сторону.

— Зачѣмъ вы бьете ее? — обращается къ полицейскому дипломатъ. — Возьмите это себѣ, — говоритъ онъ, подавая женщинѣ монету...

— Да чего она тутъ лѣзетъ! — отвѣчаетъ полицейскій. — Только время занимаетъ: и безъ того уже поздно.

— Что ты не видишь, дура? — обращается онъ снова въ растерянной женщинѣ. — Мосье, вѣдь, — европейецъ... куда ему твой товаръ?

— А чѣмъ она торгуетъ? — спрашиваетъ его заинтересованный дипломатъ.

— Да она дочекъ своихъ привезла продавать... для гарема. Европейцы, вѣдь, не держатъ сударь, гаремовъ... — говоритъ полицейскій, точно оправдываясь.

— О, да! этотъ товаръ мнѣ не нуженъ, — со смущенною улыбкою замѣчаетъ дипломатъ, стараясь выбиться изъ шумной толпы — шумъ и гамъ уже изрядно утомили его.

— Въ добрый часъ, добрый господинъ! — сыплется ему вслѣдъ привѣтствія возбужденныхъ хоронимъ заработкомъ торговцовъ, наскоро складывающихъ свой товаръ. И только стая оборванныхъ и грязныхъ мальчишекъ съ назойливыми приставаніями: «бакшишъ! бакшишъ!» сопровождаетъ его до черты, гдѣ кончается рынокъ.

Легко на душѣ у Лясопольскаго отъ сознанія, что и послѣдняя задача — подарки — уже позади. Кажется, никого не забыть? — думаетъ онъ, стараясь припомнить, не остался ли еще кто — нибудь, для кого онъ не купилъ подарка. Эпизодъ съ женщиной съ дочками настроилъ его на веселый ладъ. Вспомнивъ его, онъ улыбнулся.

— Что — же нашъ Степанъ, пожалуй, купилъ бы, — думаетъ онъ. — Навѣрное, купилъ бы, — рѣшаетъ онъ и начинаетъ внутренно хохотать.

Степанъ — его другъ и покровитель. Из-

вѣстный любитель женщинъ, страстный поклонникъ женской красоты.

— Такая черноглазая, черномазая восточная финтифлюшка какъ разъ подошла бы къ его коллекціи...

Хохотъ начинается разбирать его.

— А вѣдь, ей-ей, не плохая идея! — думаетъ подарокъ! — рѣшаетъ онъ, замѣтивъ, что онъ. — Вотъ это быть — бы, подлинно двигающуюся впередъ удаляющуюся фигуру той самой женщины, сопровождаемой двумя дѣвочками.

Онъ инстинктивно ускоряетъ шагъ — ему хочется ихъ увидѣть.

Женщина остановилась. Двѣ дѣвочки — обыкновенныя восточныя замазюльки. Одной лѣтъ пятнадцать, другая — совсѣмъ ребенокъ — 10 — 11 лѣтъ! Жгучіе, черные глаза у обѣихъ. У старшей — стройный станъ, за которымъ можно чувствовать граціозную статную грядущую женщину. Нѣжный матовый тонъ лица. Вторая — ну, да что тамъ! — несчастный заморышъ, клонъ. — одни глаза. — громадныя, какъ большіе черносливы! Пусть подрастетъ сначала!

— Если отскочить всю грязь! — думаетъ Лясопольскій, — старшая, пожалуй, будетъ настоящая красавица. — Во всякомъ случаѣ — новый жанръ для Степана.

Женщина смотритъ на него вопросительнымъ взглядомъ, выражающимъ готовность приступить къ торгу.

Дипломатъ смущенъ и не знаетъ что сказать.

Старшая дѣвочка съ жаднымъ интересомъ устремила въ него взглядъ своихъ огромныхъ глазъ и это смущаетъ его еще больше. Маленькая точно не замѣчаетъ его: ее очень заинтересовали валяющіеся кругомъ въ большомъ количествѣ обломки битаго стекла и, дѣлая очень забавныя граціозныя движенія, точно прыгаетъ среди нихъ, стараясь не попасть на стекло своими босыми, изъѣденными комарами и москитами, ноженками.

— Европейцы не держатъ гаремовъ! — проносятся въ головѣ дипломата слова полицейскаго, и это приводитъ его въ полную растерянность.

— Вотъ вамъ адресъ гостиницы, — говоритъ онъ, обрадованный вдругъ, что нашелъ

Русское объявление

Рис. Мад'а

— Я совсѣмъ недавно прѣхалъ въ Парижъ изъ Берлина и ишу здѣсь квартиру. Вотъ объявленіе, которое я хочу дать въ русскую газету. Прочтите.

— «Ишу квартиру въ готпартерѣ или выше съ фаришелемъ. Желательно ебгешлессенъ или съ кисенбенутцунгомъ. Бадэциммеръ»... Ну, батенька, дальше и читать не стану. Это, вѣдь, не по-русски. Ни одинъ человѣкъ не пойметъ.

— Объясните мнѣ толкомъ, что вамъ нужно, и я вамъ составлю объявленіе.

— Вотъ: «Ишу апартаманъ меблэ, въ рэ - де - шоссе или выше съ ассаксеромъ, шоффажемъ и конфоръ модернъ. Согласенъ на сулуажъ или небольшой репризъ. Желателенъ бай!». Хорошо? — Вы, господа, тамъ, въ Берлинѣ, видно, совсѣмъ позабыли русскій языкъ!

выходъ изъ тяжелаго положенія, — спросите комиссіонера Рауля, — онъ съ вами обо всемъ переговорить!

Онъ суетъ обрадованной женщинѣ въ руку записку и спѣшитъ какъ можно скорѣе удалиться, робко осматриваясь по сторонамъ, точно человекъ, совершившій не безупречное дѣло.

Лясковскій былъ даже немного разочарованъ тѣмъ, что комиссіонеръ отнесся къ его щекоотливому порученію, которое онъ излагалъ ему съ большимъ смущеніемъ, очень сбивчиво, запинаясь на каждомъ словѣ, одинаково равнодушно, какъ къ порученію переговорить съ транспортной канторой, или отправить по его европейскому адресу пару ящичковъ сочныхъ фигъ.

Комиссіонеръ спросилъ только: «Одну или обѣихъ?», на что, Лясковскій, энергично замахавъ руками, отвѣтилъ: «Одну! старшую!», а на вопросъ его: «Какой «лимитъ» (т. е. до какой цѣны можно идти) называть, наскоро прикинувъ мысленно цѣну чего нибудь подобнаго, цѣну которую онъ вчера заплатилъ за большую шелковую шаль для жены своего министра.

На утро Лясковскій сидѣлъ за завтракомъ въ большой столовой отеля, угощая въ послѣдній разъ своихъ обонхъ секретарей.

Комиссіонеръ осторожно, на ципочкахъ, подошелъ къ нему и, указывая рукой въ сторону вестибюля, гдѣ уже находилась явившаяся туда гречанка съ ея дѣвочками, шепнулъ ему на ухо:

— Если прибавить самую мелочь (онъ называлъ при этомъ незначительную сумму), то можно получить обѣихъ.

— Дѣлайте какъ знаете, — бросилъ ему немножко раздосадованный дипломатъ, съ интересомъ слушавшій прерванный комиссіонеромъ, внимательный новый анекдотъ про старшаго султанскаго евнуха, бывшаго постояннымъ объектомъ веселаго, остроумнаго и наблюдательнаго втораго секретаря посольства, каждый день придумывающаго какія нибудь новыя смѣшныя исторіи про хранителя и перваго стража султанскаго гарема.

А черезъ нѣсколько минутъ комиссіонеръ, не рѣшавшійся, очевидно, больше входить въ столовую, пробравшись въ садъ, куда выходили окна столовой, улучшивъ моментъ, когда Лясковскій повернулъ свой взглядъ въ сторону сада, съ торжествующей миной побѣдителя, показалъ ему черезъ окно два пальца, что, очевидно, означало, что куплены обѣ.

Лясковскій одобрительно кивнулъ головой.

На слѣдующій день Лясковскій покидалъ прекрасный Константинополь.

Возвращаясь въ полдень въ экипажѣ, послѣ послѣдняго прощальнаго визита, сдѣланнаго имъ своему намѣстнику, онъ встрѣтилъ на улицѣ шестіе.

Впередѣ ѣхалъ, по направленію къ пристани, огромный возъ, нагруженный его чемаданами и сундуками, на самой верхушкѣ котораго сидѣлъ комиссіонеръ отеля Рауль Рядомъ съ возомъ, съ небольшимъ сверткомъ въ рукахъ, шла старшая дочка гречанки. За возомъ трюхалъ осликъ, нагруженный большимъ сверткомъ, изъ котораго торчали зонтики и палки, а за нимъ, держась за хвостъ ослика, еле-еле поспѣвая, семеня пятками своихъ грязныхъ ножекъ, почти бѣжала младшая — маленькая гречанка.

Это — Софія Потоцкая совершала свой первый путь въ большой, необъятный міръ, гдѣ судьба ждала ее съ почестями, богатствами, славой, гдѣ ждали ее короли, принцы, вельможи и магнаты, чтобы положить къ этимъ крошечнымъ ноженкамъ, свои сокровища, сердца и свое поклоненіе.

Путь на родину ведетъ Лясковскаго черезъ владѣнія набожной Маріи Терезіи. Появиться тамъ со своимъ живымъ багажемъ онъ не рѣшается. Онъ рѣшаетъ оставить дѣвочекъ временно въ Подоліи. Пріѣхавъ домой, онъ уже увидитъ, какъ наладить дальнѣйшій транспортъ своего багажа.

Что было дальше съ дипломатомъ — неизвѣстно. Только оставленный въ Подоліи грузъ остался «невостребованнымъ».

Комендантомъ Каменецъ — Подольской крѣпости въ эту пору былъ генералъ Витте, старый воинъ, человекъ крутой и рѣшительный.

Его сынъ Юсифъ, майоръ польской службы и шефъ пѣхотнаго полка, былъ сравнительно молодой еще человекъ, часто бывалъ въ Варшавѣ, гдѣ уже извѣстнымъ образомъ «просвѣтился», усвоилъ вкусъ къ свѣтской жизни и успѣлъ отречься отъ многихъ предразсудковъ.

Красота юной гречанки разожгла его кровь. Она вскорѣ оказалась на жительство въ его квартирѣ, гдѣ за одно подкармливала и воспитывала, свою маленькую сестренку. Прошелъ годъ — другой — гречанка исчезла куда-то (ее кто-то соблазнилъ и куда-то увезъ): младшая, правда, уже подростокъ за это время, осталась одна безъ всякой защиты и покровительства.

Какъ настоящая восточная женщина, она развивается очень быстро. Ей едва 15 лѣтъ, но она уже зрѣлая дѣвушка; красота ея совершенно необыкновенна; она граціозна, стройна и гибка, а взоръ ея огромныхъ черныхъ мечтательныхъ глазъ, буквально, заставляетъ замирать фыханіе отъ восторга у каждаго, на кого онъ обращенъ.

Попытки браваго командира полка замѣнить ея ушедшую сестру, встрѣчаютъ съ ея стороны рѣзкое сопротивленіе. Это та, старшая сестра, привезенная прямо съ константинопольскаго базара, не знала, что существуютъ любовь, бракъ. По понятіямъ той, женщина была игрушкой, вещь, которая продавалась. Она же знаетъ уже, что женщина — не вещь. И бравому полковнику ничего не остается, какъ сначала добиться отклика въ сердцѣ маленькой гречанки, сопротивленіе которой довело его влюбленность до высшихъ предѣловъ, а затѣмъ и предложить ей свою руку и сердце.

И тѣмъ же лѣтомъ ксендзъ Антоній Хмелевскій, кафедральный каноникъ каменецкій, благословилъ въ костелѣ одного изъ предмѣстій крѣпости бракъ полк. Витте съ дѣвицею Софіей Клявана.

Старый комендантъ до глубины души возмущенъ поступкомъ сына. Онъ рѣшаетъ отречься отъ него.

Прекрасная Софія является сама къ суровому отцу просить у него прощенія для его сына. Она падаетъ предъ старымъ воиномъ на колѣни и умоляетъ благословить ихъ брачный союзъ.

Красота, представшая предъ суровымъ генераломъ, не могла не тронуть даже закоренѣвшее въ бояхъ и житейскихъ буряхъ суровое сердце стараго воина. Въ ея большихъ черныхъ глазахъ сквозятъ тоска и страстность, въ ея движеніяхъ столько невыразимой прелести, а на губахъ столько покорно-

сти и мольбы, что генералъ, отвернувшись сначала въ сторону и незамѣтно вытеревъ наворачивавшіяся на глаза слезы, кладетъ ей на голову свои руки и говоритъ:

— Встань, моя милая! Ты такъ хороша, что я не удивляюсь моему сыну. Всякій другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы ту же самую глупость. Прощаю и благословляю васъ.

Черезъ годъ супруги Витте отправляются въ Парижъ. Удивляться, что Парижъ ошарашиваетъ молодую женщину, ничего до того времени не видавшую, кромѣ грязнаго константинопольскаго базара да захолустной крѣпости въ Подоліи, конечно, не приходится. Парижъ конца XVIII вѣка! Парижъ — въ высшемъ расцвѣтѣ своей распушенности, разнузданности. Парижское общество — сборище людей, окунувшихся въ омутъ чувственныхъ наслажденій. Вся жизнь свѣтскаго Парижа, неудержимо катящагося въ пропасть революціи, — одни сплошные игры, оргіи. Азартъ и кутежи — въ апогее.

Самъ королевскій дворецъ превращенъ въ игорный притонъ, гдѣ вращаются тысячи прожигателей жизни, игроковъ и кутиль, спускающіе свои состоянія. Женщины соревнуются въ блескѣ своими туалетами, драгоценностями, пожирающими миллионныя состоянія. Золото льется, какъ вода.

Красивыя женщины правятъ всѣмъ. У нихъ ногъ — министры, вельможи, сановники. Онѣ рѣшаютъ всѣ дѣла, это онѣ назначаютъ, увольняютъ, возносятъ, уничтожаютъ въ странѣ по своему капризу. Для нихъ создаются фантастическіе дворцы, неслыханные парки и замки.

Супруги Витте попадаютъ, благодаря политическимъ связямъ мужа, въ самый омутъ парижскаго свѣта.

Какъ робкій маленькій мотылекъ, привлеченный огнями блестяще освѣщеннаго зала, чувствуетъ себя Софія среди царящей кругомъ вакханаліи. Какъ мотылекъ, ослѣпленный яркимъ свѣтомъ, не видя отверстія, черезъ которое онъ могъ бы вырваться на свой вольный просторъ, и бьется своими крылышками безпомощно о стекла, ища себѣ спасенія, такъ и Софія, испуганная и потрясенная, растерянно жметъ къ своему мужу, точно ища въ немъ опоры на случай, если бы начавшееся головокруженіе привело ее къ потерѣ сознанія.

Увы! ея мужъ уже потерялъ голову — раньше нея. Онъ — какъ въ родной стихіи въ парижскомъ водоворотѣ... и усвоилъ себѣ всѣ тонкости и вкусы парижскаго свѣтскаго быта.

Онъ почти совершенно игнорируетъ свою прелестную супругу. Здѣсь она для него — прѣсна и провинциальна. Его манитъ и пьянитъ прелесть Парижа.

Она непрерывно ловитъ на себѣ полные восторга и плотоядной хищности, взгляды мужчинъ. Молодыхъ и старыхъ, красавцевъ и уродовъ, военныхъ и штатскихъ. Гдѣ бы она ни появилась — всѣ взоры мужчинъ и женщинъ обращаются на нее. Всѣ наперебывъ стараются быть ей представленными. Мужчины въ очереди ждутъ, чтобы потанцевать съ нею. Самъ будущій король Людовикъ XVIII. оказываетъ ей свое вниманіе.

Взоръ Софіи скользитъ по всѣмъ заламъ — она съ волненіемъ ищетъ своего мужа. Гдѣ онъ? Увы! какъ настоящій парижанинъ, онъ знаетъ всю глубину неприличія въ Парижѣ быть любящимъ мужемъ и дѣлаетъ все для того, чтобы не дать ни малѣйшаго повода для подозрѣнія его въ этомъ грѣхѣ.

Дѣло происходитъ въ ту пору, когда любить свою собственную жену считалось въ парижскомъ обществѣ верхомъ чудачества, которое обрекало человека на всеобщее посмѣяніе. Недаромъ изъ этой эпохи осталось воспоминаніе объ одномъ вельможномъ супругѣ изъ французской знати, который, изъ боязни болтливости своей прислуги, пробирался ночью, какъ воръ къ своей супругѣ, которую онъ обожалъ, съ которой онъ, однако, не смѣлъ жить открыто, боясь злыхъ эниграммъ великосвѣтскихъ остроумцевъ.

Красота Софіи заставляетъ интересоваться ею весь Парижъ. Она поднимаетъ ее на самый гребень свѣтской жизни Парижа. Голова кружится отъ высоты. Но Софія долго еще не осваиваетъ происходящаго. Она остается наивною, и простодушною какъ дитя. До того наивною, что, привыкая къ самымъ лестнымъ комплиментамъ, она спрошенная о ея здоровьи въ то время, когда у нея заболѣли глаза (какъ рассказываетъ знаменитая въ то время художница Вижель, — де-Брейъ, писавшая портреты всѣхъ красавицъ — аристократокъ міра, въ томъ числѣ и ея) простодушно отвѣчаетъ:

— Мои прелестные глаза разболѣлись.

Черезъ два года она возвращается со своимъ мужемъ въ Каменецъ — Подольскъ, унося о Парижѣ жгучее воспоминаніе въ сердцѣ, возбужденномъ соблазнами грѣшнаго Содома.

Каменецъ — Подольска черезъ пару мѣсяцевъ нельзя узнать. Громы музыки потрясаютъ своды замка. Приемы, маскарады, балы, фейерверки, иллюминаціи, сопровождающіеся пушечными выстрѣлами крѣпостной артиллеріи, слѣдуютъ одинъ за другимъ вереницею. Каменецъ — Подольскъ превращенъ въ Парижъ — въ миниатюрѣ. Софія — царица всѣхъ празднествъ. Пользуясь уроками Парижа, она вскруживаетъ головы всѣмъ каменецкимъ шляхтичамъ и всему гарнизону. Всѣ мужчины на сто километровъ кругомъ влюблены въ одну женщину — невѣстку стараго коменданта. Всѣ офицеры гарнизона, состязаются въ томъ, чтобы завоевать благосклонность красавицы — гречанки.

Вскорѣ умираетъ старый комендантъ и Софія становится всемогущею госпожею гарнизона, города и всѣхъ окрестностей.

Женщина, царившая два года въ парижскихъ салонахъ, не можетъ удовлетвориться жизнью въ Каменецъ — Подольскѣ, грубоватая и угловатая ухаживанія мелкопомѣстныхъ паночекъ и львовъ изъ офицерства захолустья гарнизона вскорѣ надоедаютъ ей. Ей становится скучно среди нихъ, пусто... Она мечется въ состояніи ужасной неудовлетворенности, пробуетъ создать еще больше оживленія вокругъ себя, но съ горькимъ разочарованіемъ убѣждается, что все это — не то, не то, не то... Но чѣмъ же наполнить свою жизнь, какъ сдѣлать ее интересной, насыщенной? Она не находитъ никакого рѣшенія. Чего хотѣла бы она? Она тоже не знаетъ. Только такъ, какъ она живетъ теперь, это — не жизнь. Мужа, показавшаго себя въ Парижѣ такимъ ничтожествомъ, она не только не любитъ, она презираетъ его. Полюбить кого нибудь изъ окружающихъ ее она не можетъ.

Въ памяти проходятъ Парижъ, галерея женщинъ, видѣнныхъ ею тамъ, окруженныхъ поклоненіемъ, осыпанныхъ брилліантами, почетомъ. Да, однимъ изъ нихъ она завидуетъ. Она смутно начинаетъ понимать,

къ чему влечетъ ее. Есть, несомнѣнно, есть нѣчто, одно чего она, пожалуй, хотѣла бы, что захватило бы ее, что сдѣлало бы ея жизнь счастливою — властвовать!...

Да, властвовать... Это долженъ быть большой человекъ. Этотъ человекъ долженъ любить ее до безумія, до самозабвенія. Онъ долженъ быть очень — очень большой, какъ по своей личности, такъ и по положенію: король, большой — первѣйшей величины, — государственный дѣятель, диктаторъ, фельд-маршалъ, политическій борецъ... Съ этимъ человекомъ должны считаться цѣлые народы. Противники должны трепетать предъ нимъ. Онъ долженъ быть мужественнѣе и властнѣе. Если бы онъ оказался недостаточно сильнымъ и властнымъ, въ этомъ пунктѣ подкрѣпила бы его она. Да, именно, во властности и мужествѣ у него долженъ быть недостатокъ, его слабое мѣсто... Тутъ выступитъ она. Онъ любитъ и боготворитъ ее... И поэтому онъ подчиняетъ себя ей и дѣлаетъ это съ рыцарскимъ жестомъ. Весь міръ любитъ благородствомъ и тактомъ большого человека, который не видитъ никакого униженія въ томъ, что пользуется моральною поддержкой жены и красивой женщины, отдавая должное женщинѣ, которая этими своими качествами плѣняетъ не только свѣтскіе верхи окруженія этого человека, но и весь народъ и даже народы, дипломатовъ, пословъ, маршаловъ... Они принимаютъ вмѣстѣ заграничныя миссіи, дѣлаютъ визиты коронованнымъ особамъ. Ихъ балы славятся на весь міръ своею пышностью, элегантностью и художественнымъ блескомъ. Днемъ, когда онъ въ парламентѣ или, если онъ король, занятъ со своими министрами, она — на своей половинѣ — принимаетъ саванниковъ, дипломатовъ, вождей партій, важнѣйшихъ банкировъ, и всѣхъ другихъ, обивающихъ ее пороги, чтобы заручиться ея рѣшающею, благосклонностью.

Женщины допадаютъ отъ зависти, видя ея блескъ и величіе, и ту могущественную роль, которую она играетъ...

Долгіе — долгіе часы проводитъ Софія за этими думами. Ее одѣваютъ и причесываютъ къ бау. Она сидитъ у зеркала съ своими пышно распущенными волосами и видитъ, о, теперь она ясно видитъ, какъ она красива и какъ пышенъ и великолѣпенъ ея мраморно — царственный образъ... Въ Парижѣ она этого не замѣчала... Или была она слишкомъ юна?... И снова и снова погружается она въ свои сладостныя думы, уносясь въ своихъ мысляхъ далеко — далеко.

И когда приходитъ лакей и докладываетъ ей, что гости уже съѣзжаются и госпожѣ надлежитъ выйти, только тогда возвращается она къ дѣйствительности. Съ мрачною торжественностью выходитъ она въ залъ, наполняющійся гостями... Тускло горятъ недостаточныя для большого зала свѣчи... Дамы, обвѣшанныя стеклянками, съ жеманными улыбками освѣдомляются о ея здоровьи, мужчины, неловко распаркиваясь, цѣлуютъ ей ручку.

Съ тоской смотритъ она на эту «скучную провинцію», съ трудомъ стараясь вызвать на лицѣ привѣтливую улыбку.

Но дирижеръ уже взялъ палочкой. По залу пронеслись звуки вальса.

Уже издали слышится она гремѣющій на весь залъ звонъ шпоръ, точно въ залъ ворвалась увѣшанная бубенцами тройка. Она знаетъ этотъ звукъ. Это бываетъ каждый вечеръ. Это — адъютантъ ея мужа летитъ къ ней, чтобы «въ вихрѣ вальса», какъ онъ выражается, открыть съ нею балъ.

Въ Россіи въ это время царица Екатерина и легенды, идущія съ востока о сказочномъ житиѣ русскаго двора, пьютъ голову каменецъ — подольской комендантши... Весь міръ читаетъ съ захватывающимъ интересомъ о сказочной жизни, царящей въ Петербургѣ, о милліонахъ, швыряемыхъ императрицею на блескъ своего двора, о фантастическихъ карьерахъ, дѣлаемыхъ фаворитами царицы.

«Царица» въ Россіи въ эту пору всемогущій Потемкинъ. Его образъ, какъ описываютъ его, есть полное воплощеніе идеала, созданнаго себѣ воображеніемъ Софіи. Какъ мечтательная барышня, влюбленная она заочно въ этого сильного, красиваго, большого человека, не простого любовника императрицы, а энергичнаго, свѣтскаго государственнаго дѣятеля съ большимъ размахомъ мысли и творчества, съ ослѣпительною воображеніемъ расточительностью и умѣніемъ красиво, со вкусомъ и блескомъ тратить милліоны и милліоны царицынаго и народнаго золота. Его неслыханные пиры, его подарки, гдѣ брилліанты сыплются какъ горохъ, его личное обаяніе, его дерзость, отвага, смѣлость его государственныхъ затѣй, — все это дѣлаетъ его образъ непреодолимо плѣнительнымъ для Софіи.

Если даже не властвовать надъ такимъ человекомъ, — объ этомъ она, конечно, не можетъ и мечтать, — говоритъ она себѣ, то, по крайней мѣрѣ, быть около такого человека, въ худшемъ случаѣ, хоть видѣть другую женщину, осуществившую ея идеалъ, — становится предметомъ ея постоянныхъ мечтаній.

Потемкинъ совершаетъ въ это время свое знаменитое путешествіе по югу Россіи въ Крымъ.

«Потемкинскія усадьбы» уже настроены на тысячи верстъ длиннаго пути, по которому должна проѣхать царица. Со всѣхъ концовъ стоняются тысячи, десятки тысячъ народа, который приказано разодѣть въ пышные богатые наряды, чтобы показать царицѣ благоденствіе живущаго подъ ея десницею народа, который встрѣчаетъ матушку — царицу на всемъ пути низкими поклонами, лѣбombo-солью, пѣснями и пляской. Этотъ авантюризмъ фаворита, буквально, сводилъ съ ума экзальтированную Софію.

Долгіе — долгіе ночи проводитъ Софія въ глубокомъ раздумьи. Воображеніе рисуетъ ей самыя фантастическія картины. Она ѣдетъ въ Россію, — наконецъ, рѣшаетъ она и быстро приводитъ свое рѣшеніе въ исполненіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКЛАДЪ В. М. ЧЕРНОВА

Въ пятницу, 24 февраля, въ 8 часовъ 30 м. вечера, въ залѣ Соціального музея (5, рю Ласъ — Казъ, метро Сольферино), состоится докладъ В. М. Чернова, организуемый Международной лигой бывш. комбатантовъ — евреевъ. Тема доклада: «Современный антисемитизмъ и преодоленіе его»: 1) Идеологія антисемитизма: а) легенда о сѣонскихъ мудрецахъ, б) ритуальная и расовая легенда; 2) Борьба съ антисемитизмомъ: а) идея еврейскаго государства, б) еврейство и демократія, в) евре — комбатанты, ихъ трагедія и выходъ изъ нея. Входъ свободный для всѣхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 Г.

на самый большой русский ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ, издающийся в Париже.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ“

(16-й ГОД ИЗДАНИЯ)

ВЪ 1939 ГОДУ ПОДПИСЧИКИ «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССИИ» ПОЛУЧАЮТ

52

НОМЕРА (еженедельно) богатого иллюстрированного журнала с произведениями русских и иностранных авторов, рассказами, очерками, воспоминаниями, собственными репортажами, карикатурами и обильными фотографическими материалами из жизни Сов. России и всего мира.

Книги приложенны на 1939 г.:

18

КНИГЪ литературныхъ приложенія библіотеки «Иллюстрированной Россіи»

7 кн. юбилейное издание собр. соч. **М. Ю. Лермонтова**

3 кн. полн. собр. соч. **В. М. Гаршина**

1 кн. „Ген. М. Д. Скобелев“ военная деятельность Сост. Н. Н. Кирпичевъ

7

известныхъ французскихъ писателей. Избранные рассказы на русскомъ языкѣ, иллюстрированные известными французскими художниками

Эмиль Золя; Жюль Верн; Жюль Ренар; Поль Бурже; Проспер Мериме; Жюль Жюль и Марсель Преву

Условия подписки на 1939-ый годъ

Безъ приложенія: 52 №№ журнала				Съ приложеніями: 52 №№ журн. и 18 книгъ (Подписка Типъ № 1)					
ЦѢНА НА 12 МѢС	Франція и Колоніи	Европа	Всѣ въевропейскія страны Сѣв. Ам. и Дал. Востокъ	Польша	ЦѢНА НА 12 МѢС	Франція и Колоніи	Европа	Всѣ въевропейскія страны Сѣв. Ам. и Дал. Востокъ	Польша
	Франки	Доллары, или ихъ эквивалентъ	Злоты	Злоты		Франки	Доллары, или ихъ эквивалентъ	Злоты	
	190	7 дол.	9 дол.	36		310	11 дол.	13 дол.	57

ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСЧОКЪ:

ПРИ подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс по ..	40	2	4	Ежегодн. по 3 зл	ПРИ подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс по ..	60	3,5	5,5	Ежегодн. по 4,75 з
	15	0,5	0,5			25	0,75	0,75	

Внесшіе всю плату сразу впередъ за годъ, получаютъ немедленно особую премию — 1 книгу.

Внесшіе всю плату сразу впередъ за годъ, получаютъ немедленно особую премию — 2 книги.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка:

ПРИ подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по ...	40	2	4	Ежемес. по 3 зл.	ПРИ подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по ...	60	3,5	5,5	Ежемес. по 4 зл. 2
10 мѣс. по ...	15	0,5	0,5		10 мѣс. по ...	25	0,75	0,75	

Внесите всю плату сразу впередъ за годъ, получаете немедленно особую премию — 1 книгу

Внесите плату сразу впередъ за годъ, получаете немедленно особую премию — 2 книги

Въ странахъ, въ которыхъ затрудненъ переводъ денегъ во Францію, подписчики платятъ имъ можете вносить въ мѣстной валютѣ, по офш. курсу на наши счета въ Вашей же странѣ. (См. дальше подробности).

Въ Бельгии, Голландіи, Дании, Люксембургѣ, Италіи, Латвіи, Литвѣ, Норвегіи, Румыніи, Швеции, Швейцаріи, Финляндіи, Эстоніи, Чехословакіи, въ вѣдѣ конвенціи, вы можете подписаться на журналъ безъ приложенія у насъ на почтѣ — въ отдѣлѣ подписокъ на иностр. журналы — по значительно удешевленной цѣнѣ, согласно международной почтовой конвенціи.

Условия подписки на журналъ съ приложеніями въ выискахъ странахъ, въ мѣстной валютѣ по офш. курсу, смотрите дальше.

Добавочны

Кромѣ подписки Типъ № 1 съ 18 книгами нашихъ Лит.

Типъ № 2: 52 №№ журн. и 52 кн. лит. прил. (18 кн. прилож. 1939 г. и 34 кн. по выбору съ нижеслѣд. списка А).

Типъ № 3: 52 №№ журн. и 100 кн. лит. прил. (18 кн. прилож. 1939 г. и 82 кн. по выбору съ нижеслѣд. списка А).

Типъ № 4: 52 №№ журн. и 150 кн. лит. прил. (18 кн. прилож. 1939 г. и 132 кн. по выбору съ нижеслѣд. списка А).

СПИСКЪ

34 кн.	полного собр. сочиненія	Ф. М. Достоевскаго
34 кн.	полного собр. сочиненія	Л. Н. Толстого
10 кн.	полного собр. сочиненія	Н. В. Гоголя
3 кн.	полного собр. сочиненія	Н. А. Некрасова
2 кн.	«Записки Охотника»	И. С. Тургенева
14 кн.	сочин.	М. Е. Салтыкова-Щедрина
12 кн.	Избранныя сочиненія	И. А. Гончарова
5 кн.	Избранныя сочиненія	гр. Алекс. Толстого
10 кн.	Сочиненія	Глѣба Успенскаго
12 кн.	Сочиненія	К. Станюковича
12 кн.	Исторія Россійской Прессы. Конгр. Революціи	Н. Н. Головинъ
5 кн.	Избранныя сочиненія	Н. С. Лѣскова
2 кн.	сочиненія	А. Н. Апухтина
6 кн.	Сочиненія	М. А. Алданова
3 кн.	Сочиненія	В. М. Дорошевича
2 кн.	Рассказы	Арк. Аверченко
7 кн.	«Въ лѣсахъ»	П. И. Мельникова-Почерскаго
5 кн.	«Петръ Великій»	Алексѣя Толстого
1 кн.	«Очеркъ Бурсы»	Н. Г. Помяловскаго

Условия и цѣны подписки на разн.

Всѣ наши подписчики и читатели могутъ у насъ получать (въ мѣстной валютѣ) съ нашей пересылкой. Роксшное издание, содержащее 150 страницъ. Также по осободьдотной цѣнѣ за 15 фр. или эквивалентъ томъ ПИСЕ.

На свѣтъ чудеса разсѣяны повсюду

Приемыши у животныхъ.

Усыновленіе чужихъ дѣтей — одна изъ формъ любви къ ближнему, дѣлающая большую честь человѣчеству; встрѣчается, какъ оказывается, и въ животномъ мірѣ: животныя усыновляютъ дѣтеншей не только изъ чужой семьи, но даже другой породы.

Одинъ популярно — научный французскій ученый разсказываетъ слѣдующій случай.

Недавно одна дворовая собака пригласила въ комнату яйцо, изъ котораго готовился вылупиться цыпленокъ, подожгла его на диванѣ и принялась слизывать скорлупу, чтобы помочь цыпленку высвободиться изъ своей тюрьмы; затѣмъ языкомъ же помогла новорожденному выйти на свѣтъ Божій, и обмочивъ языкъ въ водѣ, дала ему напиться, потомъ спела на солнце, чтобы дать ему возможность обсушиться. Съ этой минуты собака сдѣлалась приемышомъ матерью цыпленка и не клась о немъ съ такой любовью и забот-

ливостью, какая сдѣлала бы честь любой нянькѣ.

Идиосинкразія.

Извѣстно, что многія выдающіяся личности не обладали достаточной нравственной силой для борьбы съ инстинктивнымъ отвращеніемъ или страхомъ, тѣмъ что называется, идиосинкразіей.

Такъ, герцога д-Эпернонъ при видѣ зайца, а маршала д-Альбертъ, при видѣ поросенка на вертелѣ, падали въ обморокъ. У Эразмуса отъ запаха рыбы дѣлалась лихорадка. Тихо де-Браге при видѣ лисицы терялъ сознание. Скалигеръ при видѣ крестъ — салата холодѣлъ. Съ Юстусомъ Линсіусомъ дѣлалась судорога при звукахъ музыки. Математикъ и философъ Карданусъ питалъ непреодолимый ужасъ къ яйцамъ. Врачъ Пьетро де Поно терялъ сознание отъ запаха скисшаго молока. Марія Медичи не могла видѣть

розъ, даже нарисованныхъ. Великій князь Іоаннъ II часто падалъ въ обморокъ при видѣ женщины. Канцлеръ Беконъ заболѣвалъ при каждомъ лунномъ затменіи. Польскій король Владиславъ не могъ видѣть картофеля. Король Іоаннъ I англійскій дрожалъ при видѣ меча. Генрихъ III, путешественникъ Шомбургъ, Велингтонъ и Мейербергъ вмѣстѣ съ Наполеономъ I питали непобѣдимое отвращеніе къ насѣкомымъ. Донъ — Жуанъ Роль терялъ сознание какъ только въ его присутствіи произносили слово «виля».

«ТУБЕРКУЛЕЗЪ»
БРОШЮРА
Д-ра ХМѢЛЕВСКАГО
Цѣна 5 фр.
Продажа на квартирѣ у автора.
126, AV. EMILE-ZOLA (15).
M-ro Em. Zola Tél. : Lec. 94-83

ПОДПИСКИ

Подписка принимается въ Главной Конторѣ

также почтовымъ переводомъ, банковскимъ чекомъ, почтовымъ мандатомъ или вѣнками на Cheques Postaux 671-81 à Paris.
Въ странахъ, гдѣ подписка должно приниматься въ МѢСТНОЙ ВАЛЮТѢ, просимъ плату вносить, какъ указано НИЖЕ.

Условія подписки: (въ мѣстной валютѣ)

Цѣна	Франк	Марка	Долларъ	Крона	Лей	Эстонск.	Литва	Латыш.	Югослав.	Болгарск.	Денежная единица
подписки на 12 мѣс.	фр.	м.	д.	кр.	л.	кр.	л.	л.	дин.	лв.	
(*) БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ	180	12	9 дол.	36	210	1080	27	44	36	310	770
Разсрочка: при подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по...	40	2	4	50	16	Ежемесяч. по 3 ал.	5	Платеж по 11 л.	Ежемесяч. по 3 л.	70	170
СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ											
18 юнѣ. Типъ № 1.	310	11	13	57	315	1680	41	66	57	470	1120
Разсрочка: при подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по...	60	3,5	5,5	Ежемесяч. по 4,75 ал.	95	Ежемесяч. по 140 лев.	11	16	Ежемесяч. по 4,75 л.	120	270
32 юнѣ. Типъ № 2.	460	20	22	102	560	2760	73	122	102	860	1900
Разсрочка: при подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по...	110	5	7	Ежемесяч. по 8,50 ал.	160	Ежемесяч. по 230 л.	13	22	Ежемесяч. по 8,50 л.	160	300
180 юнѣ. Типъ № 3.	680	30	30	147	780	4200	100	175	147	1260	2880
Разсрочка: при подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по...	180	5	8	Ежемесяч. по 12,25 ал.	180	Ежемесяч. по 350 л.	25	35	Ежемесяч. по 12,25 л.	260	460
150 юнѣ. Типъ № 4.	900	39	40	195	1000	5400	130	230	195	1630	3750
Разсрочка: при подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по...	200	9	10	Ежемесяч. по 16,25 ал.	250	Ежемесяч. по 450 л.	30	50	Ежемесяч. по 16,25 л.	380	750
200 юнѣ. Типъ № 5.	1100	47,5	49	245	1240	6600	180	288	240	2000	4700
Разсрочка: при подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по...	300	15	19	Ежемесяч. по 20 ал.	340	Ежемесяч. по 550 л.	40	68	Ежемесяч. по 20 л.	500	900
258 юнѣ. Типъ № 6.	1350	57,5	60	298	1500	7500	194	350	298	2400	5500
Разсрочка: при подпискѣ съ 1 марта 10 мѣс. по...	325	15	17,50	Ежемесяч. по 24 ал.	400	Ежемесяч. по 625 л.	44	50	Ежемесяч. по 24 л.	600	1000

18 юнѣ. Типъ № 1.

18 юнѣ. Типъ № 2.

18 юнѣ. Типъ № 3.

18 юнѣ. Типъ № 4.

18 юнѣ. Типъ № 5.

18 юнѣ. Типъ № 6.

18 юнѣ. Типъ № 7.

18 юнѣ. Типъ № 8.

18 юнѣ. Типъ № 9.

18 юнѣ. Типъ № 10.

18 юнѣ. Типъ № 11.

18 юнѣ. Типъ № 12.

18 юнѣ. Типъ № 13.

18 юнѣ. Типъ № 14.

18 юнѣ. Типъ № 15.

18 юнѣ. Типъ № 16.

18 юнѣ. Типъ № 17.

18 юнѣ. Типъ № 18.

18 юнѣ. Типъ № 19.

18 юнѣ. Типъ № 20.

18 юнѣ. Типъ № 21.

18 юнѣ. Типъ № 22.

18 юнѣ. Типъ № 23.

18 юнѣ. Типъ № 24.

18 юнѣ. Типъ № 25.

18 юнѣ. Типъ № 26.

18 юнѣ. Типъ № 27.

18 юнѣ. Типъ № 28.

18 юнѣ. Типъ № 29.

18 юнѣ. Типъ № 30.

18 юнѣ. Типъ № 31.

18 юнѣ. Типъ № 32.

18 юнѣ. Типъ № 33.

18 юнѣ. Типъ № 34.

18 юнѣ. Типъ № 35.

18 юнѣ. Типъ № 36.

18 юнѣ. Типъ № 37.

18 юнѣ. Типъ № 38.

18 юнѣ. Типъ № 39.

18 юнѣ. Типъ № 40.

18 юнѣ. Типъ № 41.

18 юнѣ. Типъ № 42.

18 юнѣ. Типъ № 43.

18 юнѣ. Типъ № 44.

18 юнѣ. Типъ № 45.

18 юнѣ. Типъ № 46.

18 юнѣ. Типъ № 47.

18 юнѣ. Типъ № 48.

18 юнѣ. Типъ № 49.

18 юнѣ. Типъ № 50.

18 юнѣ. Типъ № 51.

18 юнѣ. Типъ № 52.

18 юнѣ. Типъ № 53.

18 юнѣ. Типъ № 54.

18 юнѣ. Типъ № 55.

18 юнѣ. Типъ № 56.

18 юнѣ. Типъ № 57.

18 юнѣ. Типъ № 58.

18 юнѣ. Типъ № 59.

18 юнѣ. Типъ № 60.

18 юнѣ. Типъ № 61.

18 юнѣ. Типъ № 62.

18 юнѣ. Типъ № 63.

18 юнѣ. Типъ № 64.

18 юнѣ. Типъ № 65.

18 юнѣ. Типъ № 66.

18 юнѣ. Типъ № 67.

18 юнѣ. Типъ № 68.

18 юнѣ. Типъ № 69.

18 юнѣ. Типъ № 70.

18 юнѣ. Типъ № 71.

18 юнѣ. Типъ № 72.

18 юнѣ. Типъ № 73.

18 юнѣ. Типъ № 74.

18 юнѣ. Типъ № 75.

18 юнѣ. Типъ № 76.

18 юнѣ. Типъ № 77.

18 юнѣ. Типъ № 78.

18 юнѣ. Типъ № 79.

18 юнѣ. Типъ № 80.

18 юнѣ. Типъ № 81.

18 юнѣ. Типъ № 82.

18 юнѣ. Типъ № 83.

18 юнѣ. Типъ № 84.

18 юнѣ. Типъ № 85.

18 юнѣ. Типъ № 86.

18 юнѣ. Типъ № 87.

18 юнѣ. Типъ № 88.

18 юнѣ. Типъ № 89.

18 юнѣ. Типъ № 90.

18 юнѣ. Типъ № 91.

18 юнѣ. Типъ № 92.

18 юнѣ. Типъ № 93.

18 юнѣ. Типъ № 94.

18 юнѣ. Типъ № 95.

18 юнѣ. Типъ № 96.

18 юнѣ. Типъ № 97.

18 юнѣ. Типъ № 98.

18 юнѣ. Типъ № 99.

18 юнѣ. Типъ № 100.

18 юнѣ. Типъ № 101.

18 юнѣ. Типъ № 102.

18 юнѣ. Типъ № 103.

18 юнѣ. Типъ № 104.

18 юнѣ. Типъ № 105.

18 юнѣ. Типъ № 106.

18 юнѣ. Типъ № 107.

18 юнѣ. Типъ № 108.

18 юнѣ. Типъ № 109.

18 юнѣ. Типъ № 110.

18 юнѣ. Типъ № 111.

18 юнѣ. Типъ № 112.

18 юнѣ. Типъ № 113.

18 юнѣ. Типъ № 114.

18 юнѣ. Типъ № 115.

18 юнѣ. Типъ № 116.

18 юнѣ. Типъ № 117.

18 юнѣ. Типъ № 118.

18 юнѣ. Типъ № 119.

18 юнѣ. Типъ № 120.

18 юнѣ. Типъ № 121.

18 юнѣ. Типъ № 122.

18 юнѣ. Типъ № 123.

18 юнѣ. Типъ № 124.

18 юнѣ. Типъ № 125.

18 юнѣ. Типъ № 126.

18 юнѣ. Типъ № 127.

18 юнѣ. Типъ № 128.

18 юнѣ. Типъ № 129.

18 юнѣ. Типъ № 130.

18 юнѣ. Типъ № 131.

18 юнѣ. Типъ № 132.

18 юнѣ. Типъ № 133.

18 юнѣ. Типъ № 134.

18 юнѣ. Типъ № 135.

18 юнѣ. Типъ № 136.

18 юнѣ. Типъ № 137.

18 юнѣ. Типъ № 138.

18 юнѣ. Типъ № 139.

18 юнѣ. Типъ № 140.

18 юнѣ. Типъ № 141.

18 юнѣ. Типъ № 142.

18 юнѣ. Типъ № 143.

18 юнѣ. Типъ № 144.

18 юнѣ. Типъ № 145.

18 юнѣ. Типъ № 146.

18 юнѣ. Типъ № 147.

18 юнѣ. Типъ № 148.

18 юнѣ. Типъ № 149.

18 юнѣ. Типъ № 150.

18 юнѣ. Типъ № 151.

18 юнѣ. Типъ № 152.

18 юнѣ. Типъ № 153.

18 юнѣ. Типъ № 154.

18 юнѣ. Типъ № 155.

18 юнѣ. Типъ № 156.

18 юнѣ. Типъ № 157.

18 юнѣ. Типъ № 158.

18 юнѣ. Типъ № 159.

18 юнѣ. Типъ № 160.

18 юнѣ. Типъ № 161.

18 юнѣ. Типъ № 162.

18 юнѣ. Типъ № 163.

18 юнѣ. Типъ № 164.

18 юнѣ. Типъ № 165.

18 юнѣ. Типъ № 166.

18 юнѣ. Типъ № 167.

18 юнѣ. Типъ № 168.

18 юнѣ. Типъ № 169.

18 юнѣ. Типъ № 170.

18 юнѣ. Типъ № 171.

18 юнѣ. Типъ № 172.

18 юнѣ. Типъ № 173.

18 юнѣ. Типъ № 174.

18 юнѣ. Типъ № 175.

18 юнѣ. Типъ № 176.

18 юнѣ. Типъ № 177.

18 юнѣ. Типъ № 178.

18 юнѣ. Типъ № 179.

18 юнѣ. Типъ № 180.

18 юнѣ. Типъ № 181.

18 юнѣ. Типъ № 182.

18 юнѣ. Типъ № 183.

18 юнѣ. Типъ № 184.

18 юнѣ. Типъ № 185.

18 юнѣ. Типъ № 186.

18 юнѣ. Типъ № 187.

18 юнѣ. Типъ № 188.

18 юнѣ. Типъ № 189.

18 юнѣ. Типъ № 190.

18 юнѣ. Типъ № 191.

18 юнѣ. Типъ № 192.

18 юнѣ. Типъ № 193.

18 юнѣ. Типъ № 194.

18 юнѣ. Типъ № 195.

18 юнѣ. Типъ № 196.

18 юнѣ. Типъ № 197.

18 юнѣ. Типъ № 198.

18 юнѣ. Типъ № 199.

ХОРОШО, ЧТО ОНИ ЕГО НЕ ВИДЯТЪ...
— ... и вы, дорогие радиослушатели, послѣ этихъ уроковъ гимнастики, разовьете ваши мускулы, будете молоды и прекрасны...
(«Маріаннъ»).

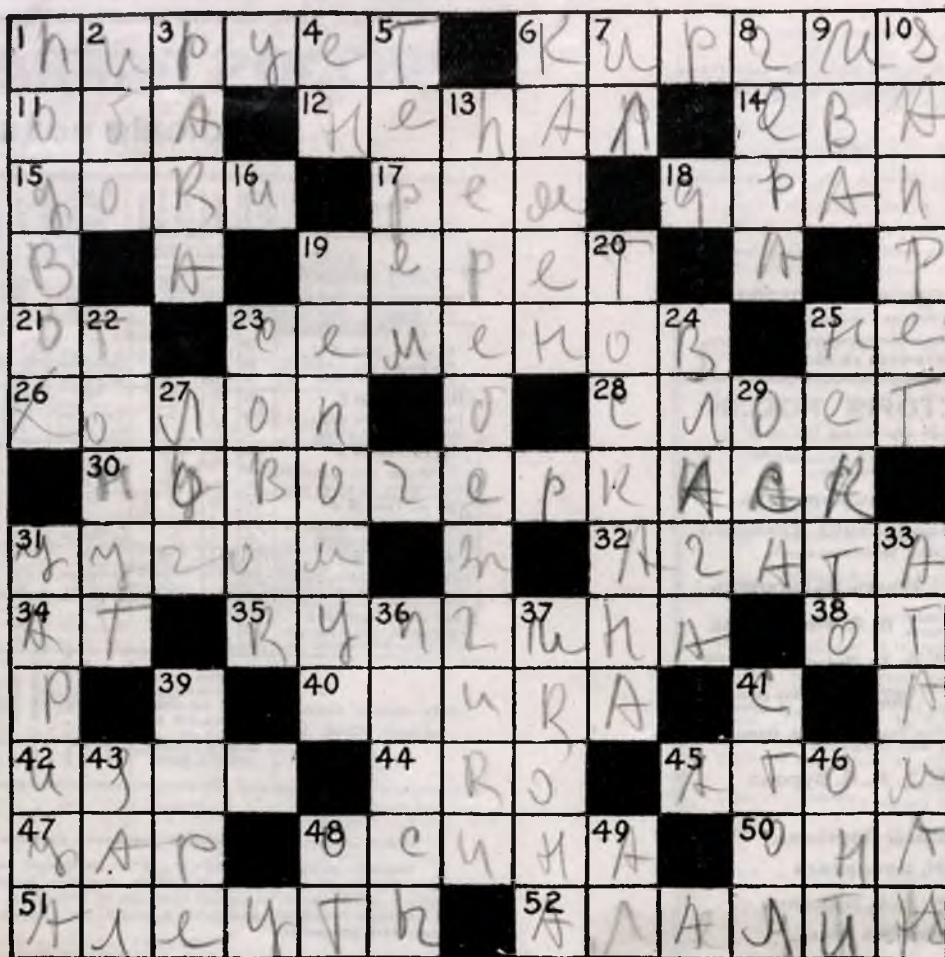
ВЪ РЕСТОРАНѢ

— Ну, какъ вы нашли, сударь, вашъ бифштексъ?
— Признаться, нашелъ его съ трудомъ, подъ картошкой...
(«Маріаннъ»).

ГОРНИЧНАЯ СО СТАЖЕМЪ

— Теперь будьте спокойны, барыня, за посуду. До вашего мѣста, я служила въ балетѣ.

Горизонтально:

1. Фигура въ танцѣ; 6. Представитель народности, населяющей востокъ Россіи; 11. Мѣстоименіе; 12. Государство въ Азій; 14. Прародительница; 15. Такъ въ старину звали на Руси образованныхъ людей; 17. Основатель одной изъ европейскихъ столицъ; 18. Сортъ матеріи; 19. Рѣка въ Сибири; 21. Предлогъ; 23. Фамилія одного изъ атамановъ, прославившихся въ гражданской войнѣ; 25. Отрицаніе; 26. Такъ называли въ старину въ Россіи слугу; 28. Приготовлять особаго рода сдобное тѣсто; 30. Городъ на югѣ Россіи; 31. Видъ запряжки, употребляемой или зимой, или въ парадномъ выѣздѣ; 32. Женское имя; 34. Инициалы автора «Князя Серебрянаго»; 35. Такъ иногда называли въ Россіи наиболее яркаго представителя одного сословія; 38. Предлогъ; 40. Организованная группа сторонниковъ; 42. Мужское имя; 44. Рѣчевая частица; 45. Еще недавно онъ считался мельчайшей частицей вещества; 47. Монархъ; 48. Дерево, считающееся почему то лучшимъ матеріаломъ для надгробнаго памятника вѣдмамъ; 50. Мѣстоименіе; 51. Народность; 52. Химическая краска.

Вертикально:

1. Ловкая интрига; 2. Союзъ; 3. Гробница; 4. Русская буква; 5. Старо - русское жилище; 6. Въ зависимости отъ качества этого матеріала его можно получить за одну и ту же цѣну и одинъ граммъ и сотни тоннъ; 7. Высококачественное естественное удобрение; 8. Богиня; 9. Дереву; 10. Ограничительное распоряженіе; 13. На войнѣ ими пользуются, но относятся къ нимъ съ презрѣніемъ; 19. Сред-

невѣковый священникъ, прославившійся тѣмъ, что отказалъ въ причастіи императрицѣ, за что былъ утопленъ; 20. Провинція въ Италіи; 22. Погружаться въ жидкое тѣло; 23. Его можно найти въ лабазѣ и на пескѣ въ дѣтскомъ скверѣ; 24. Жидкость; 25. Мѣстоименіе; 27. Долина; 29. Насѣкомое; 31. Женскій родъ 47-го горизонтально; 33. Глава иррегулярнаго войска; 35. Такъ назывались отдѣльныя части большой судоходной рѣки; 37. Изображеніе; 39. Существуетъ черное, красное, бѣлое и желтое; 41. Необходимѣйшая мебель для европейца, безъ которой, однако, обходятся на востокѣ; 43. Парадное помѣщеніе; 46. Мѣстоименіе; 48. Предлогъ; 49. Рѣчевая частица.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 718.

Горизонтально:

1. Отец; 4. Куш; 6. Пята; 9. Лето; 11. Анод; 13. Еж; 15. Перемет; 17. Вы; 18. Сук; 20. Нежит; 21. Чек; 22. Аля; 24. Цель; 25. Сечь; 26. Онега; 28. Упрек; 30. Воронихин; 31. Ябеда; 33. Орна; 35. Эта; 36. Н. В. Г. (Гоголь); 38. Тля; 39. Яга; 40. Конак; 42. Оно; 44. Ра; 45. Коровин; 47. Як; 48. Мрак; 49. Онер; 51. Опыт; 52. Акт; 53. Ена.

Вертикально:

1. Овес; 2. Ель; 3. Цеп; 4. Корень; 5. Шамиль; 6. Пот; 7. Яд; 8. Арык; 10. Тень; 12. Нет; 14. Жуан; 16. Ежедневно; 17. Вече; 19. Клевета; 21. Чернило; 23. Ягода; 25. Спирт; 26. Оля; 27. Ара; 28. Ухо; 29. К. С. А. (Аксаков); 32. Бега; 34. Няня; 36. Норка; 37. Гавот; 39. Ярмо; 40. Корь; 41. Кин; 43. Окна; 45. Кат; 46. Ней; 48. Мы; 50. Ре.

Книги Льва Шестова

Комитет по изданию книг Льва Шестова выпускает в свет два сочинения покойного философа в издании: «Современных Записок» и «Дома Книги». 1) «Киргегардт и экзистенциальная философия», 2) «Афины и Иерусалим».

Первая книга выйдет в апрѣль 1939 года, вторая — в октябрѣ того же года.

На эти книги открыта предварительная подписка, по слѣдующей цѣнѣ:

«Киргегардт и экзистенциальная философия», в обыкновенном издании, с портретом автора — 40 фр.

В нумерованном, в порядкѣ подписки, издании, на бумагѣ Альфакс, с портретом автора — 75 фр.

«Афины и Иерусалим», в обыкновенном издании — 50 фр.

В нумерованном, в порядкѣ подписки, издании, на бумагѣ Альфакс — 90 фр.

Подписку и деньги просить направлять по адресу:

Madame Baranoff, 22, rue Wilhem, Paris (16).

По выходѣ книг в свет, цѣны будутъ значительно повышены.

Предсѣдатель Комитета:

Н. Бердяевъ.

Члены Комитета: А. М. Безредка, И. И. Бунаковъ, Б. П. Вышеславцевъ, Jules de Gautier, В. В. Зѣньковский, Л. М. Лазаревъ, Levy-Bruhl de l'Institut, С. И. Металыниковъ, П. Н. Милуковъ, В. В. Рудневъ, Б. Ф. Шлеперъ, М. Л. Цитронъ.

Новая книга стиховъ Lolo

Готовится къ печати новая книга стиховъ Лоло «Москва далекая».

Книга состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) «Москва далекая»: Первые шаги. Первый романъ. Московскіе издатели. Малый театр. Художественный театр. Театръ Корша. Литературный Кружокъ. 2) «Ушедшіе»: Ермолова. Комиссаржевская, Собиновъ, Анна Павлова, Шаляпинъ, А. И. Южинъ, Станиславскій, Балиевъ. 3) «За рубежомъ».

НИЦЦА

Ниццкое отдѣленіе Р. М. З. О. открыло русскую консерваторію. Предсѣдательница Р. М. З. О. въ Ниццѣ свобод. художникъ А. В. Бѣльченко, доводитъ до свѣдѣнія русской колоніи на Ривьерѣ, что будутъ открыты отдѣленія консерваторіи въ Монте - Карло и въ Каннахъ.

Составъ профессоровъ слѣдующій: директоръ консерваторіи — Ю. С. Коловратъ - Червинскій. По классу рояля — кн. А. С. Волконскій и Е. Г. Короткова; по классу пѣнія — А. В. Бѣльченко и Л. О. Горинская; по классу скрипки — Саша Мало и П. И. Гаяринъ; по классу виолончели — М. Гаровичъ и Б. Витте; по классу хореографіи — Е. Карпова. Справки и записи у вице - директора консерваторіи: Е. Г. Коротковой — 56, rue Ségur - Филиппъ, по четвергамъ и воскресеньямъ, отъ 3 до 4 час.

Подписку на журналъ
«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ»
въ Польцѣ

Принимаетъ генеральный представитель
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОБРО»
KRAKOWSKIE Prz. 53, Warszawa.
TEL. 226.84.

Подписную плату можно вносить на
очтовый счетъ Р. К. О. № 9668.

Почтовый ящикъ

Contremaître въ провинціи, 41 годъ, хотѣлъ бы найти подругу жизни, интел., не низкаго роста. Желательна фотографія. Писать:

Monsieur Pierre Micoud, chaussures. Le Grand Lemps (Isère) кот. передать.

Илья Ивановичъ ОЦЕЛЬ проситъ знакомыхъ писать ему по адресу:

He Otzel, com. Badiceni, jud. Soroca of. Zgurita (Romania).

Симпатичная дѣвушка ищетъ дружеской переписки съ господиномъ, не моложе 35 и не старше 43 лѣтъ. 878

Молодой человекъ, русскій, желаетъ познакомиться съ русской барышней (желательно парикмахершей). Цѣль — бракъ. Желательно получить фотографію, которая будетъ возвращена. 879

Интеллигентный одинокій русскій, обезпеченный постоянной приличной службой, желаетъ вступить въ переписку съ серьезной цѣлью съ русской дѣвушкой, интересной, вполне интеллигентной, серьезной, желательна изъ семьи. Желательна фотографія. Мѣсто жительства особой роли можетъ не играть. 876

Русская, французско - подданная, молодая вдова, матеріально обезпеченная, желаетъ переписываться съ русскими. 877

Для моей скромной и нетребовательной племянницы 30 лѣтъ, ищу такого же человека, не старше 40 лѣтъ. Национальность безразлична. Фотографія обязательна. 875

Имѣю свое дѣло въ Парижѣ. Желая познакомиться съ простой женщиной, — цѣль бракъ. 873

Блондинка 34 г. и брюнетка 38 л. (русс.) вдовы, просятъ откликнуться честныхъ интеллигентныхъ, воспитанныхъ людей, любящихъ семейный уютъ и имѣющихъ возможность его доставить. Желательна фотографія. Отвѣтимъ на серьезные письма. Эстонія. Таллинъ. 871

Серьезная литовка желаетъ переписываться съ интеллиг. господиномъ отъ 45 — 50 л. Можетъ быть вдовцомъ. Национальность безразлична. Желательна фотографія. 870

КНИЖНАЯ ГОРГОВЛЯ „VICTOIRE“

73, rue de la Victoire. Tél. Tri. 52-73

Ген. Геловинъ. Военныя успія Россіи въ миров. войнѣ, 75; Наука о войнѣ, 30; История рос. контръ-рев., 115; Триандофиловъ, Характеръ операций совр. арм., 24; Кириловъ. Соврем. артиллер., 21; Кохенгаузенъ, Вожденіе войскъ, 30; Ромекко, Тактика авіаціи, 20; Ружеронъ, Бомбардировочн. авіація, 2 т., 57; Шведе. Военныя флоты (справ.), 42; Варга, Миров. вооруженія (справ.), 18; Левицкій, Русско - япон. война 904 - 05 г., 6.

Всѣ новинки. Антикваріатъ. Шахматы. Дѣтскія книги.

ALLIANCE FRANÇAISE

101, Bd Raspail, Paris (6°) Lit. 18-13

ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА.

Курсы съ ограниченнымъ колич. ученик.
Запись во всякое время.

Безплатные вечерніе курсы отъ 18 ч. 30 мин. до 19 ч. 30 м. по средамъ и пятн.

Ваши НЕРВЫ и СИЛЫ

ВОЗСТАНОВИТЬ KALEFLUID.

Всѣмъ высылаемъ бесплатно подробное описаніе лѣченія КАЛЕФЛЮИДОМЪ съ отзывами г. г. врачей и многочислен. выздоровѣвшихъ.

КАЛЕФЛЮИДЪ удостоенъ 5 зол. медалей въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Римѣ и Флоренціи. КАЛЕФЛЮИДЪ продается въ больш. аптекахъ, а гдѣ нѣтъ, пишите намъ: Laboratoire E. KALEFLUID, 66, Boulevard Exelmans, PARIS (16°).

Въ Бѣлградѣ: Marcovitch, Masarikova, 9.
Въ Бухарестѣ: Tatarsky, Str. Sf. Apostoli 21.

Профессоръ

Е. М. Вайнштейнъ

АКУШЕР. и ЖЕНСК. БОЛ. (ХИРУРГ.).

4, SQUARE THIERS (уг. 155, av.

Victor-Hugo), Passy 80-80.

Приемъ отъ 5 до 7 ч. и по соглашенію.

Клиника для роженицъ

Напротивъ парка Buttes Chaumont.

Приемъ отъ 1-3 и отъ 6-8 час. вечера.

CAM. ВЫГ. УСЛОВІЯ. Assur. soc.

6, rue de l'Atlas. Métro Belleville.

Tél.: Nord 46-65.

Д-ръ медиц. Тн. MINC

ВНУТРЕН. И СЕРДЕЧН. БОЛѢЗНИ

Assurance Sociale.

11, Place de la Porte-Champerret (17°)

Sur rendez-vous, Etoile 20-21.

АПТЕКА ДЛЯ РУССКИХЪ

Въ русскомъ районѣ Парижа.

Pharmacie Centrale du Bd de Grenelle

K. Foucher, Pharm. de 1-ère Classe

77, Bd de GRENELLE, 77

Автобусы: Y, AQ, AN, 25,

Métro: Dupleix, La Motte-Picquet-Grenelle.

Спец. пригот. лѣкарствъ по русск. фармакопее русск. провиз. Всѣ французск. и иностран. патентован. средства. Обширный складъ парфюмерн. и патентованныхъ товаровъ.

Цѣны ниже всѣхъ аптекъ.

Tél.: Ségur 11-45.

Прис. Пов. П. С. Ширскій

Консультации, бухгалтерія, налоги.

5, rue Barye (17°). Tél. Carnot 31-94

Métro Courcelles, отъ 6 - 7 час. веч.

ГЕН. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
«ИЛЛ. РОССИИ ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ»:

CASA KASSIAN

San - Martín 362

BUENOS-AIRES, ARGENTINA.

„T O R G S N A B”

(A. Godovannikoff)

26, rue Vivienne, Paris, 2e.

Tél. Gut. 46-80, 46-81

Cen.: 92-86, 92-87

ПОСЫЛКИ ВЪ U. R. S. S.

ПО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

Портативная машинка 2.750 фр.

УНДЕРВУДЪ (UNIVERSAL), включ. абсол. всѣ расходы.

Англійскіе отрѣзы

		На мужск. костюмъ	На мужск. пальто
Стандартъ	А . . .	300 фр.	350 фр.
Стандартъ	В . . .	350 фр.	400 фр.
Стандартъ	С . . .	400 фр.	450 фр.
Стандартъ	Д . . .	450 фр.	500 фр.
ЦѢНЫ включая абсолютно ВСѢ РАСХОДЫ			

При доплатѣ 175 фр. добавляется къ любому стандарту
1 пара мужской или дамской обуви
и 1 пара носковъ или 1 п. чулокъ в. к.

КЪ СТАНДАРТАМЪ можно добавлять ПРОДУКТЫ:

(ничего абсолютно не доплачивая за отправку).
ЦѢНЫ, включая абсолютно всѣ расходы:

	500 гр.	500 гр.	500 гр.
Какао В. Г. — — — —	50. — фр.	Кофе 50. — фр	Чай 80. — фр.
Шоколадъ — — — —	50. — фр.	Сахаръ 9. — фр	Рисъ 9. — фр.

Отправка любыхъ новыхъ и ношенныхъ вещей, принесенныхъ самими отправителями.

Національная Лотерея

ЦѢЛЫЕ БИЛЕТЫ, 1/2, 1/4, 1/10 и 1/20 БИЛ.